

Джейкшин

Николай

сатир и нимфа

ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ ТРИФОНА ИВАНОВИЧА
И АКУЛИНЫ СТЕПАНОВНЫ

РОМАН

Николай Лейкин

**Сатир и нимфа, или Похождения
Трифона Ивановича и
Акулины Степановны**

«Центрполиграф»

1888

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

Лейкин Н. А.

Сатир и нимфа, или Похождения Трифона Ивановича и Акулины Степановны / Н. А. Лейкин — «Центрполиграф», 1888

ISBN 978-5-227-10397-0

Бытописец России конца XIX — начала XX века, сатирик Николай Александрович Лейкин как всегда точно ухватывает подсмотренные им в жизни образы соотечественников самых разных сословий и характеров. В этом, в чем-то смешном, а в чем-то грустном романе остроумно обыграны самые разные типы персонажей. Одиноким пожилым купцом Трифоном Ивановичем Заколовым проникается теплыми чувствами к своей кухарке Акулине. Скромная и тихая женщина по-настоящему преображается под влиянием своего нового статуса в доме, и динамика между «сатиром» и «нимфой» кардинально меняется. Подруга-горничная дает Акулине полезные, с ее точки зрения, советы, а родственник из деревни просится на хлебное место, и далеко не сразу ясно, к чему приведет цепь событий, начавшаяся с простой симпатии.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1

ISBN 978-5-227-10397-0

© Лейкин Н. А., 1888
© Центрполиграф, 1888

Содержание

I. Сатир и нимфа	8
II. Нимфа приподняла голову	12
III. Нимфа голову закинула	15
IV. Нимфа когти расправляет	18
V. Нимфа когти расправила	21
VI. Нимфа когти запустила	24
VII. Нимфа в новом теле	26
VIII. Нимфа начинает царить	28
IX. Сатир в тисках	31
X. Нимфа в блаженстве	34
XI. Нимфа карает и награждает	37
XII. Нимфа и ее наперсница	40
XIII. Нимфа укрепляется	43
XIV. Нимфа укрепилась	46
XV. Нимфа принимает визитера	48
XVI. Опять сатир в тисках	51
XVII. Тиски усиливаются	54
XVIII. Племянник приехал	56
XIX. Нимфа, сатир и пастушок	59
XX. На другой день	62
XXI. Нимфа ставит на своем	65
XXII. В науке у наперсницы	67
XXIII. Лекция продолжается	70
XXIV. Нимфа и пастушок	73
XXV. Первый дебют «невров»	76
XXVI. Дебют «невров» продолжается	79
XXVII. Учит уму-разуму	82
XXVIII. Письмо от мужа	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Николай Александрович Лейкин
Сатир и нимфа, или похождения Трифона
Ивановича и Акулины Степановны
Роман

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

* * *

І. Сатир и нимфа

В субботу вечером, после запора лавки, вдовый старик, купец Трифон Иванович Заколов отпустил всех своих приказчиков в баню да кстати велел взять с собой и двух лавочных мальчиков. Дома остались только сам Трифон Иванович и кухарка Акулина, молодая, красивая, здоровая баба – то, что называется кровь с молоком. Он тотчас же велел ей поставить самовар и прибавил: «Только как можно скорейча». Когда Акулина ставила самовар, Трифон Иванович вошел в кухню, остановился, подбоченился и, облизываясь, стал смотреть на широкую спину Акулины, на голые, полные локти ее, шевелившиеся около самовара. Наконец он не утерпел, ткнул Акулину пальцем в бок и, улыбаясь, проговорил:

– Вишь, жиру-то сколько на хозяйских хлебах нагуляла.

Акулина вздрогнула, обернулась, потупилась и сказала:

– Ах, что вы это, хозяин... Да нешто так можно!

Трифон Иванович успел уже сделать серьезное лицо и еще раз повторил:

– Ставь, ставь самовар-то скорейча, а готов будет, так и подавай сейчас в горницу.

Запахнув халат, он зашлепал туфлями и направился в комнату, где вынул из шкафа чай, сахар, баранки, варенье и, поставив все это на стол, сам сел к столу в ожидании самовара. Через десять минут Акулина внесла в комнату самовар. Трифон Иванович смотрел на нее пристально и, не изменяя серьезного лица, тяжело вздохнул.

– Нет у меня сегодня такого воображения, чтобы самому чай заваривать, заваривай ты, – обратился он к Акулине.

– Ну? С чего это вы вдруг?.. – улыбнулась та. – Да, может быть, я не потрафлю?

– Заваривай, заваривай, коли хозяин приказывает.

Акулина повиновалась. Хозяин не спускал с нее глаз.

Серьезное лицо его стало покрываться улыбкой.

– У тебя двери-то из кухни на лестницу заперты ли? – спросил он.

– Нет. Да что их запирать-то? Ведь я никуда из кухни не уйду.

– Поди и запири. Нынче воров много шляется. А потом вернешься сюда и лимону мне нарежешь.

Акулина отправилась запирать двери и через минуту снова явилась и начала резать лимон, косясь на хозяина.

– Тебе сколько лет-то? – задал он вопрос.

– Двадцать три, – отвечала она.

– А дети есть ли?

– Ни одного.

– Что ж ты это?

– Бог не дал.

– Муж-то у тебя где?

– В нашем месте, на железной дороге служит.

– Нравный или смиренный?

– Известно уж, муж...

– Дерется?

– Да как же без этого? Когда ежели хмельной приходил, то само собой.

– Покажи-ка зубы-то... Целы ли? Не выбил ли? Показывай, показывай... Нечего тут стыдиться! Ну чего ты рукой закрылась?

– Да чтой-то вы, право.

– Показывай же, коли хозяин тебе приказывает!

Акулина шевельнула губами и выказала целый ряд белых, как из слоновой кости, зубов.

- Я оттуда не вижу... Ты ближе ко мне подойди, – сказал хозяин.
- Да чтой-то вы в самом деле?.. – бормотала Акулина, закрывая лицо рукой.
- Ровно ничего. Хочу зубы посмотреть. Подойди сюда, говорят тебе!
- Акулина подошла, показала зубы и взвизгнула. Хозяин ущипнул ее за щеку и, улыбаясь, пробормотал:
- Вишь, гладкая! Куда же ты? погоди! Стой тут... Еще не все, – прибавил он.
- Да что ж, коли вы шутики шутите!
- Стой тут! Хозяин приказывает – и стой. Сейчас я тебе кое-что дам.
- Он отворил комод, вынул оттуда какой-то клетчатой шерстяной материи.
- На тебе на платье... Бери... Только приказчикам не показывай.
- Акулина совсем сомлела.
- Господи Иисусе! Да за что же это? – спросила она.
- Бери, коли дают. Бери без рассуждений.
- Это то есть к празднику от вас?
- Бери, и делу конец! – махнул рукой хозяин. – К празднику еще получишь.
- Позвольте ручку... Благодарим покорно.
- Зачем же ручку? Лучше я тебя так поцелую.
- Хозяин обхватил ее за шею и поцеловал в губы.
- Ой, что-то вы! – вырвалась она от него. – Ну как же это можно!
- Отчего же нельзя?
- Да нешто можно, чтобы хозяева...
- Да ведь тебя от этого не ubyло. Только смотри приказчикам ни гугу... Садись, – указал он на стул около стола.
- Акулина широко раскрыла рот и глаза и недоумевала.
- Садись, тебе говорят!
- Господи Иисусе! Да я и не умею за хозяйским столом сидеть... Чтой-то, право!
- Учись... Может быть, и самое тебя в хозяйки выведу. На вот стакан чаю и пей. Пей внакладку, пей с вареньем...
- Ну вас, право... Какие вы... Чтой-то в самом деле... – бормотала Акулина и села.
- Хозяин любовался ею.
- Клади сахару-то больше... Клади... Клади, сколько душа хочет... Да и варенья-то тоже... – говорил он, вздохнул и прибавил: – И в каких только таких местах эдакие прекрасные бабы рождаются!
- Хи-хи-хи... А вы нешто не знаете? Ведь паспорт-то у вас. В Тверской губернии, в Калязинском уезде... – хихикала Акулина.
- Садись ко мне ближе...
- Зачем же я ближе-то?
- Садись, тебе говорят.
- Только уж вы не щиплитесь.
- От приказчиков щипки принимаешь, а от хозяина и принять не хочешь? Ладно...
- Когда же я от приказчиков?.. Да что вы, право!..
- Ну уж знаю я!
- Вот уж напрасно так напрасно... Готова даже икону снять...
- Ну, то-то... А только коли ежели что я вперед замечу, то смотри... Постой... Есть у меня тут заваливающийся платок. Из лавки я его принес. – Хозяин еще раз полез в комод, вынул оттуда большой фуляровый платок с пестрыми цветами и, подавая его Акулине, сказал: – На! Возьми... Пригодится...
- Ну уж... Да чтой-то с вами!

– Бери, бери без рассуждений... И не то еще подарю, коль ласкова к хозяину будешь. Ты поди песни петь горазда?

– В деревне была горазда, а здесь где же...

– Гм... Ешь варенье-то... Для тебя ведь поставил.

– Уж будто?... Для кухарки-то?

– Имею воображение и не кухаркой тебя сделать. Орехи грызть любишь?

– Хи-хи-хи! – хихикнула Акулина. – Да как же не любить-то?

– И пряники жевать охоча?

– Отчего же, коли ежели для скуки...

– Так вот тебе рубль на пряники... Возьми и купи.

– Ну уж... что уж... Полноте...

– Бери, коли дают, – улыбался во всю ширину лица хозяин и спросил: – Ты это зачем же глаза-то сажей вымазала?

– Да неужто?... Должно быть, это я когда самовар ставила.

Она поплевала на пальцы и стала трогать себя около глаз.

– Да не тут, не тут. Я про самые зенки-то спрашиваю. Или у тебя природные такие таракашки в лоб вставлены?

– Да полноте вам... А я думала, и взаправду...

– И брови природные? Или сажей смазаны? – не унимался хозяин.

– Вы все шутки шутите. Такие сурьезные и старые и с шутками.

– Буду почаще около тебя сидеть, так помолодею.

– Какие вы, право...

– Тебя как по отчеству-то звать?

– Степановна.

– Сядь ближе и слушай меня, Акулина Степановна.

– Да ведь уж и так рядышком.

– Молчи и слушай. Пей чай-то и слушай.

– Благодарим покорно. И так уж я вволю...

– Занапрасно ты со своей писаной красотой в кухарках пропадаешь, Акулина Степановна, и я хочу тебя возвысить.

– Ну?! Выдумаете еще что-нибудь.

– Из черного тела в белое пересадить.

– Ах, что это вы брешете! – бормотала Акулина.

– Истину я говорю. Ведь вот я иной раз при моем вдовстве сиром и посидел бы с тобой и попил бы чайку, а при приказчиках зазорно. А найму-ка лучше я тебе квартиру из двух горенок, а ты там и живи.

– Выдумайте тоже...

– А отчего же и не выдумать? Живи себе да живи, а я к тебе приходиться буду да чай распивать. Там ты мне и песни петь будешь, а я буду слушать.

– Не дело вы говорите, хозяин.

– Отчего не дело?

– Да как же я без жалованья-то буду? Ведь тоже харчи...

– Зачем без жалованья? Я тебе и жалованье платить буду. На харчи буду давать особо.

Согласна?

В кухне застучали в дверь. Акулина вскочила.

– Приказчики идут из бани, – сказала она и бросилась отворять дверь.

– Ты приказчикам-то смотри – ни гугу! – кричал ей вслед хозяин.

– Ну, вот еще...

– А насчет квартиры-то подумай и дай завтра ответ.

Акулина была уже в кухне и отворяла дверь. Застучали ногами приказчики, вернувшиеся из бани.

II. Нимфа приподняла голову

Было будничное утро. Приказчики и мальчики купца Трифона Ивановича Заколова ушли в лавку. Сам старик Заколов посидел-посидел около потухшего самовара и, кряхтя и потирая поясницу, перешел к письменному столу, где раскрыл торговую книгу и, глядя в нее, стал звякать на счетах. Показалась кухарка Акулина, остановилась в дверях и, потирая дверной косяк рукою, улыбалась. Одета она была во все праздничное и сияла свежестью и красотой.

– Своими занятиями занимаетесь? – проговорила она.

Хозяин обернулся к ней вполоборота и отвечал:

– Да... Но теперь мне некогда.

– Будто? А вы серьезность-то бросьте и посидите со мной. Мне вам что-то сказать надо.

– После, после поговорим.

– А если мне хочется сейчас поговорить?

– Мало ли что! А ты поди в кухню и подожди.

Акулина не уходила, сделала маленькую паузу и сказала:

– Чтой-то как будто вы третьегоднясь и вчерась были совсем не такой. Те дни ластились, а теперь вон гоните.

– Не гоню я, а, видишь, занят делом, – проговорил хозяин.

– Дело не медведь, в лес не убежит. Сем-ка я около вас присяду.

– Нельзя, нельзя теперь. Я тебя потом позову.

– Что мне потом?

Она опустила около стола на стул. Старик хозяин посмотрел в ее сторону и поморщился. Она протянула руку, сбила у него на голове прядь волос, которой было прикрыто сбоку голое темя, и пробормотала:

– Полноте вам серьезность-то из себя строить!

Хозяин вспыхнул.

– Ну чего ты балуешься-то, дура! – сердито сказал он и стал поправлять волоса.

– Уж и дура! Два дня была Акулина – красота писаная, а теперь дура.

– Ты приходи тогда, когда тебя позовут, тогда и будешь красотой писаной.

– Ох, какие разговоры! Что-то уж не командовать ли вы мной хотите? Ведь, кажется, не муж. А вот хочу сидеть и буду сидеть.

Хозяин широко раскрыл глаза и в удивлении посмотрел на Акулину.

– Должны любить. Уж теперь аминь. Сами мне смелость дали, – продолжала она.

– Послушай, Акулина Степановна... – начал строго хозяин, но Акулина улыбнулась во всю ширину лица и шутливо мазнула его ладонью по носу.

Строгость старика была парализована. Он ослабил.

– Ну, баба! – произнес он. – Не знал я за тобой таких качеств. Смотри-ка как развернулась!

– Да я всегда такая была, а известно, уж коли в людях живешь, то боишься. Слушайте-ка, что я вам сказать хочу. Я хочу, чтобы мне завсегда с вами вместе чай пить, даже и при приказчиках. За одним столом то есть. И утром, и вечером.

– Выдумай еще что-нибудь!..

– А что ж такое?

– Да ведь ты на меня мараль наведешь. Живу я тихо, солидарно, приказчики видят во мне большое основание, а тут уж тень будет.

– Эка важность! Что вы, девушка, что ли! Да нынче и девушки тень на себя наводят.

– Нет, Акулина, этого невозможно. Я ведь тебе сказал, чтобы ты переехала на отдельную квартирку. Будешь ты жить отдельно в двух горенках, и буду я к тебе приходить, и буду с тобой чай пить. А здесь невозможно. Зазорно. Переезжай на квартирку.

– Одна-то? Нет, я не хочу от вас уходить. Благодарю покорно. Я хочу при вас быть. Старик вздохнул.

– Утром, когда приказчики в лавку уйдут, ты можешь со мной чай пить, – сказал он.

– А вечером? По вечерам-то мне и скучно одной.

– Вечером невозможно... Вечером нельзя.

– А я приду и сяду – вот и будет можно.

– Слушай! Ты этого не делай! Ты не раздражай меня, не доводи до ссоры, – заговорил хозяин и, поднявшись со стула, в волнении заходил по комнате.

Акулина заморгала глазами и закрыла лицо рукой.

– Обманщики! – слезливо бормотала она. – Изменники... Сами и так, и эдак, а как что-нибудь до вас касающееся, так и нельзя... Тень... Нешто на меня-то вы тень не наводите!

– Дура ты эдакая! Да ведь ты сама на себя тень наводишь! Я только и говорю тебе, чтоб приказчикам ни гугу, а ты хочешь при приказчиках со мной за стол садиться и чай пить. Нет, ты этого и думать не смей, пока здесь живешь.

– А вот буду думать! – поддразнила его Акулина. – А будете артачиться, так и не подходите тогда ко мне...

Хозяин чесал затылок.

– Да будет тебе! Угомонись... – ласково сказал он и хотел ее потрепать по плечу, но она подняла руку и ударила его по руке.

– Оставьте, коли так...

– Ну, полно, не сердись... Ну чего тут? Ну давай сейчас чай пить. Будто не все равно, что при приказчиках пить, что без приказчиков! Вот баба-то! Сама на мараль лезет.

– И хочу я, чтобы вы мне к Рождеству шелково платье подарили, – продолжала она.

– Вот насчет шелкового платья можно. Шелковое платье подарю. Мало того, не одно подарю, а два – переезжай ты только на отдельную квартиру.

– Этого я не желаю.

– Ты вот теперь простая деревенская баба, – даму из тебя сделаю, только переезжай на квартиру.

– Ни за что на свете. Нет, не перееду. И вот еще что... Дайте мне двадцать пять рублей денег... Мне к Рождеству надо в деревню послать.

– Здравствуйте! Раньше говорила, что надо только три рубля в деревню послать, а уж теперь двадцать пять.

– Надумала так – и вышло двадцать пять, – отвечала Акулина. – Ведь у меня там родные есть.

Хозяин погрозил пальцем.

– Эх, Акулина! Тебя кто-нибудь подучил на эти штуки! – сказал он.

– Кто меня станет подучивать? Сама надумала. Польские сапоги надо к празднику, – продолжала она.

– И польские сапоги? Так... Ну а как же до сих пор-то без польских сапог ходила?

– А теперь хочу. Да полноте вам скупиться-то! Эдакий богатеющий купец и такой жадный! А будете скупиться, так вот что... Будете скупиться, так я у вашего приказчика Парфена попрошу.

– И думать не смей! И воображать не смей! – заговорил хозяин. – Лучше не губи Парфена... Чуть тень на него бросишь – сейчас сгоню его по шее без расчета и буду всем рассказывать, что он на руку нечист. Пусть в деревню едет. Ну, иди и подогрей самовар. Сейчас я с тобой вместе чай пить буду.

– А сапоги?

– Сапоги будут.

Акулина взяла самовар и понесла его подогреть в кухню. Проходя мимо хозяина, она наклонилась к нему, улыбнулась, показав ряд прелестных белых зубов, и шепнула:

– Милый... Вот таких сговорчивых я люблю!

III. Нимфа голову закинула

Был вечер. В кухне Трифона Ивановича шла перебранка. Перебранивалась Акулина с хозяйскими приказчиками. Она сидела около кухонного стола, грызла подсолнечные зернышки и покрикивала:

– Щи остывши... Каша недопревши... Скажите, какие разносольники! Туда же – разносолы разбирать! Благодарите Бога, что и так-то еще кормлю... Да... Нечего тут рыло-то воротить!

– Мы не разносолы разбираем, а говорим, чтоб пища была горячая и настоящим манером сварена, – перебил ее один из приказчиков.

– Трескайте и то, что дают. Не великие господа. Скажите, какие пошехонские генералы выискались! А хотите студень жрать из мелочной по мясоедам и треску соленую с квасом в постный день?

– Не смеешь ты нам этого подавать.

– О?! А кто мне запретит?

– Как кто? Хозяин.

– Будто? Поди-ка ты, пожалься хозяину, а я посмотрю, запретит ли? Ты не дразни меня, а нет – ей-ей, весь пост на треске с квасом из мелочной лавочки проморою.

Акулина самодовольно улыбнулась и многозначительно подмигнула.

– Да что с ней, с дурой-бабой, разговаривать! – послышался из приказчицкой голос старшего приказчика. – С ней разговаривать нечего, а надо прямо идти к хозяину, да и показать ему, какими она нас щами кормила. Вот тогда он ей и задаст.

– О! Будто? Задаст... Не я ли ему задам-то?

– Да как ты смеешь такие слова, халда ты эдакая!

– А вот как смела, так и села... А за халду ответишь. Тебе же нагоняй будет.

– Не ты ли задашь?

– Хозяин задаст. В лучшем виде задаст.

– Скажите, какая королевна-недотрога!

Трифон Иванович слышал эту перебранку из столовой и молчал. Он ходил из угла в угол по комнате, ерзая войлочными туфлями, и только отдувался, тяжело вздыхая, да поскабливал затылок.

– Ах, баба! Ах, язык с дыркой! И чего это она меня и себя выдает! – произнес он наконец сквозь зубы.

– И самовар для вас ставить не буду... Да... Пусть лавочные мальчишки ставят, а я не буду, – доносилось из кухни. – Хозяину буду, а вам не буду, потому я хочу, чтобы меня не ругали, а предпочитали.

– Врешь. Поставишь! – кричал приказчик.

– Ан вот не поставлю. Вот увидишь, что не поставлю. Да вот еще что... Не смейте меня Акулиной называть. Не Акулина я вам, а Акулина Степановна.

Хозяин вздевал руки к потолку и, стиснув зубы, шептал:

– Разоблачает, подлая! Совсем разоблачает! И меня, и себя разоблачает, а ведь как просил-то, анафему, чтобы перед приказчиками все было шито и крыто! Вот после этого приглубь глупую бабу.

Перебранка утихла.

«Ну, слава богу, угомонилась...» – думал Трифон Иванович, но каково же было его удивление, когда Акулина вошла в столовую и, вся в слезах, опустилась на стул.

Трифона Ивановича даже ударило в пот. Он подскочил к ней и тихо заговорил:

– Что ты! Что ты! Зачем ты сюда пришла? Иди с богом в кухню... Ведь приказчики дома... Ведь я просил тебя, чтобы при приказчиках ты на меня тень не навела.

– А на меня тень навоят, так это ничего?

– Кто на тебя тень навел? Уходи ты поскорей с богом... Расселась и плачет.

– Да как же не плакать-то, коли ваши приказчики халдой меня называют. Никогда я халдой не была, да и не буду. У меня муж есть... Я женщина настоящая, замужняя. Поди-ка да пугни их хорошенько, разругай...

– Ладно, ладно... Я скажу им, чтобы они не ругались; только ты, Акулинушка, уходи, пожалуйста, в кухню!

– В кухне они опять будут ругаться, а я не желаю от них таких слов слушать.

– Не будут они ругаться, не посмеют. Уходи только.

– Зачем же я буду уходить, коли я с вами хочу?.. Они вон самовар требуют, а я самовара им ставить не желаю. Пусть сами ставят.

– Да что, у тебя руки-то отсохнут, что ли?

– Не отсохнут, а не желаю. Кабы они были учтивые, а то они охальники.

– Поди, Акулинушка... Не срами меня, не наводи перед приказчиками на меня тень. Ну, будь умница.

– Сходи в приказчицкую и разругай их, тогда уйду, – говорила Акулина.

– Ах ты, господи! Вот наказание-то! – всплескивал руками Трифон Иванович. – Ну ладно. Ты ступай, а я за тобой следом.

Акулина отерла слезы и лениво поднялась со стула.

– Милый! – проговорила она, бросая нежный взгляд на хозяина. – Как бы я с тобой вместе чайку-то напилась, чудесно.

– Нельзя, Акулинушка, нельзя теперь. Чайку мы с тобой вместе завтра поутру напьемся, когда приказчики в лавку уйдут, а теперь нельзя.

– Как нельзя? Можно... Завсегда можно. А значит, не любите меня, коли говорите такие слова...

– Иди, иди, милая... – проталкивал ее Трифон Иванович за плечи из столовой.

– Да ладно уж, уйду, только ступайте и приказчикам задайте за меня гонку.

Акулина удалилась. Трифон Иванович еще раз тяжело вздохнул, отер платком выступивший на лбу пот и, с минуту погодя, направился в приказчицкую.

– Что это у вас за шум тут? – начал он, смотря куда-то в сторону. – Все с Акулиной перебранка. Чтоб я не слышал больше ругательств! Слышите?

– Да как же ее не ругать-то, Трифон Иваныч! – возразил старший приказчик. – Во-первых, она щип сегодня подала такие, что ложкой ударь, так и то пузырь не вскочит, а во-вторых, когда мы ей стали говорить, так она еще сама же нас изругала. Вы извольте посмотреть щип – собака хлебать не станет. Да еще грозит, что на треске весь пост нас проморит.

– Не посмеет она этого.

– И еще похваляется, что самовара нам ставить не будет.

– Ну, довольно, довольно! Что такое самовар! Самовар может и мальчишка поставить. Женщина тоже устать может. Ведь женщина – не мужик.

– Хорошенько их, Трифон Иваныч, хорошенько! – заговорила Акулина, появляясь в дверях, но хозяин повернулся и вышел из приказчицкой.

– Вот вляпался-то! – произносил он про себя уже в столовой. – Совсем вляпался. Подвела... В лучшем виде подвела... Теперь уж тень есть... И большая тень... И чего, дура, не едет на отдельную квартиру! Ведь умоляю переехать. Тогда бы и кухаркой перестала быть: так нет, озорничать здесь хочет. Конечно, и там шила в мешке не утаишь, но...

Трифон Иванович обернулся. В дверях опять стояла Акулина.

– Да вот еще чего я хочу, – говорила. – Я хочу, чтобы приказчики называли меня не Акулиной, а величали Акулиной Степановной. Подите и скажите им...

– Милая, это потом. Это уж завтра... Иди ты только от меня...

– Нет, нет, завтра вы забудете, а я хочу, чтобы сегодня...

– Нельзя сегодня. Уходи ты, Христа ради.

– А нельзя вам сегодня сказать, так и уходить я от вас не желаю. Сяду вот тут, да и буду сидеть.

– Ой, Акулина, не дури!

– Хочу дурить и буду дурить! – возвысила она голос и вдруг заплакала вслух.

– Тише ты, тише... Ну чего ты? Иду я к ним... Иду говорить... Уходи ты сама-то только скорее, – забормотал Трифон Иванович и поспешно выскочил из столовой.

IV. Нимфа когти расправляет

Было раннее декабрьское утро. Только еще рассветало. Приказчики Трифона Ивановича уходили в лавку и громыхали в кухне сапогами. Старший приказчик, уходя в лавку, зашел, по обыкновению, к хозяину за ключами. Трифон Иванович в халате и войлочных туфлях сидел у себя в столовой за самоваром. С потолка светила лампа. Старший приказчик поклонился хозяину и лаконически сказал:

– За ключами...

Хозяин молча встал со стула, пошел к себе в спальню и вынес оттуда ключи. Старший приказчик переминался с ноги на ногу и не уходил.

– Что тебе? – спросил его хозяин.

– Насчет кухарки-с... Насчет Акулины... Верите ли, мочи моей нет, – отвечал старший приказчик.

Хозяин вспыхнул и как-то заерзал на стуле.

– Ну, ну, ну... Ты уж насажешь, – пробормотал он.

– Помилуйте... Всякую пищу подает на манер как бы псам... Самовара не ставит, ну да самовар – бог с ним, самовар и мальчики поставят, – а она посуду не моет, на стол не накрывает. Уж ежели мальчики всполоснут тарелки и стаканы, то еще туда-сюда, а не всполоснут – так на грязных и ешь.

Хозяин смотрел куда-то в сторону.

– Я говорил ей... но она сказала мне, что нездорова. Ведь может же женщина заболеть... – проговорил.

– Какое-с! Что вы! Вчера вы изволили быть вечером в гостях, так без вас целый вечер песни распевала.

– Песни ничего не обозначают. А что до болезни, то она женщина замужня, к нам из деревни от мужа приехала. Почем ты знаешь, может быть, она беременна, может быть, ей не под силу работать. Надо тоже по-человечески...

– Воля ваша-с... А только и самовары у нас ставят мальчики и посуду моют мальчики. Все мальчики... Даже пол метут они.

– Эка важность! Обломаются у них спины-то от работы, что ли! Не генеральские дети. Даже лучше, ежели по домашеству занимаются.

– Меня все приказчики просили вам доложить. Очень уж обижаются.

– Ступай!

Старший приказчик почтительно поклонился и вышел. Хозяин вздохнул свободнее. Он радостно потер руки, прошелся по столовой, отворил дверь в кухню и крикнул:

– Акулинушка! Иди сюда со мной чайку попить! Приказчики уже ушли в лавку.

– Я сплю... – послышался женский голос из кухни.

– Как спишь? В восемь-то часов утра спишь! – удивился Трифон Иванович.

– Захочу, так и еще дольше проспю. До двенадцати часов досплю... слышите, вы там как хотите, а я сегодня ни нам, ни приказчикам стряпать не буду.

– То есть как это не будешь стряпать?

– Очень просто... Не стойте вы этого... Меня не хотят предпочитать, и я не хочу предпочитать. Где хотите, там и обедайте.

– Да полно, matka, что ты! Что за капризы такие... Вставай да иди в столовую чай пить.

– Благодарим покорно.

– Иди скорей. А то самовар остынет. Я нарочно не пил и ждал тебя. Иди.

– Зачем баловать? Не стойте вы этого... Пейте одни.

– Да что такое случилось? Что я тебе сделал?

– Очень просто. Никто меня здесь не уважает, никто не предпочитает, всякий норовит обидеть, всякий норовит что-нибудь подпустить супротив меня.

– Полно, полно... Это тебе только так кажется. Одевайся и иди сюда.

– Да я в одеже сплю... Мне нечего одеваться.

– Так иди же... Не упрямясь.

– Просите получше, так, может быть, и приду на минутку.

– Да ведь уж я и так прошу учтиво.

– Нет, вы скажите: иди, мол, милая Акулина Степановна, чай пить. По имени и по отчеству назовите.

Трифон Иванович поморщился.

– Блажишь ты, я вижу, – пробормотал он. – Ну, да ничего, так и быть, потешу тебя.

Акулина Степановна! Иди чай пить...

– Ну, вот так-то ладно. Так я люблю.

– Идешь?

– Погодите... Дайте сапоги польские надеть.

В кухне за перегородкой послышался скрип кровати, и через минуту в дверях столовой показалась Акулина, как и всегда, свежая, бодрая, румяная. Она хотела сделать серьезное лицо, но улыбка так и сквозила на ее губах.

– Что это ты сегодня капризничаешь? И как тебе не стыдно? – встретил ее Трифон Иванович и покачал головой.

– Хорошие-то да добрые люди, которые ежели дамой интересуются, те говорят при встрече: с доброй утрой... – сказала она. – Вон я у немца из конторы жила... На русской он был женат... Так тот всегда своей даме: «С доброй утрой»...

– Ну, с добрым утром тебя, с добрым утром... Садись. Налить тебе чайку-то?..

– Не хотела я уж вас баловать, – отвечала Акулина, садясь к столу, – ну, да уж бог с вами.

А только это в последний раз, коли меня в доме предпочитать не будут. Так вы и знайте.

– Да кто тебя, милая, не почитает! Живешь ты по своей воле, что хочешь, то и делаешь.

– А приказчики на меня фыркают. Зачем они фыркают?

– Ах, Акулина, Акулина! – вздохнул Трифон Иванович.

– Акулина Степановна я, а не Акулина, – поправила его кухарка.

– Ах, Акулина Степановна! Нельзя, милая, жить на кухарочном положении и требовать себе почитания, как хозяйке. Ведь я предлагаю тебе переехать на отдельную квартирку. Там ты наймешь себе кухарку, и будет она почитать тебя за хозяйку.

– А я не хочу переезжать... Я хочу, чтобы с вами... чтобы вы здесь мне кухарку наняли.

– Но тогда что же ты сама-то будешь? Что приказчики подумают?

– А я буду на манер ключницы. У вдовых людей всегда ключницы, а вы вдовый... А над кухаркой я буду командовать. А что приказчики подумают – плевать мне на них. Я хочу только, чтобы они меня предпочитали.

Трифон Иванович тяжело вздохнул и, пощипав седенькую бородку, произнес:

– Ах, Акулина Степановна, чего ты просишь! Не дела ты просишь!

– А не дела, так нечего меня и чай пить звать.

Она быстро поднялась со стула.

– Постой, постой... Куда ты? – остановил ее Трифон Иванович, тронув за рукав.

– За постой-то деньги платят, – сострила она и ударила его по руке.

– Посиди, Акулина Степановна. Ну полно тебе... Может быть, как-нибудь и сговоримся.

– Да что «посиди»! – опустилась она снова на стул. – С немой дурой, кажется, легче сговориться, чем с вами. Вы вот обещали приказчикам приказать, чтобы они меня Акулиной Степановной величали, да так и не сказали. На посуле-то вы, как на стуле.

– Скажу, скажу. Сегодня же вечером скажу.

– Ни за что не поверю, пока сама не услышу, как будете говорить. И я хочу, чтобы этот разговор был при мне.

– Да ведь тогда сейчас тень на меня наведется, сейчас все обозначится...

– А что вам до тени? Вы не девушка. Вот я и мужнина жена, да тени не боюсь.

– Садись ближе и потолкуем, как бы нам все это получше сделать, чтобы заставить приказчиков Акулиной Степановной тебя величать.

– Да что тут думать! Цыкните на них хорошенько – вот и весь разговор.

– Садись же поближе... – повторил Трифон Иванович.

– А вы прежде заслужите, потом и требуйте, – кокетливо отвечала Акулина, кивнула головой, но с места не двинулась.

– Да уж заслужу. Обещаюсь заслужить.

– А вот когда заслужите, тогда и разговор другой.

– Ну, я сам к тебе подвинусь поближе.

– Пожалуйста, пожалуйста...

– Ну, полно... Сиди смирно... Пей чай-то... А мы вот сейчас, сидя рядом поговорим ладком, как нам с приказчиками-то... Да не серьезничай! Ну, полно... Зачем ты серьезное-то лицо?.. Ну, улыбнись, ну, покажи зубы...

Трифон Иванович взял Акулину за руку.

– Какие вы, право... Ну, как я могу улыбаться и зубы показывать, коли у меня на душе тошно, – отвечала она и улыбнулась во всю ширину лица, показав ряды белых, как перламутр, зубов.

– Вот, вот... Ну, спасибо! – заговорил он, взял Акулину за обе руки, посмотрел ей в глаза и со вздохом произнес: – Эка ты баба-то какая распрекрасная да занятная! Какой хошь серьезный и деловой человек будь, ты и того с ума сведешь своей красотой! Ну, улыбнись еще, улыбнись... Покажи ямочки на щеках... Вот так, вот так... Хе-хе-хе...

И Трифон Иванович засмеялся старческим, дребезжащим смехом.

У. Нимфа когти расправила

Акулина сидела с Трифоном Ивановичем за самоваром и говорила:

– Что ж вы варенье-то из шкафа не выставяете? Я хочу, чтоб каждый день с вареньем чай пить.

– Сделай милость, Акуличка, поди и возьми себе в шкафу варенье. Шкаф отперт, – отвечал Трифон Иванович, млея около Акулины.

– Мне лень. Подите и принесите сами.

– Ах, какая ты требовательная! Ну да изволь...

– А отчего же мне не быть такой? За что же nibудь я старика полюбила.

– Ну уж... Будто я такой старик?

– А то как же... Вон у вас овчина-то на голове вся облезла даже. Зубов нет. Вместо зубов на манер как бы два пня гнилых. Слышите, я хочу, чтобы мне каждый день, утром и вечером, без вас и при вас чай внакладку пить.

– Сделай одолжение.

– И чтобы уж самой сахаром распорядиться. Я и приказчикам буду выдавать... Давайте-ка сюда ключи. Давайте, давайте... Нечего тут...

– Да ведь у меня тут ключи и от комода с бельем.

– Когда белье понадобится, то у меня спросите.

– Полно, Акулинушка, неловко.

– Говорят вам, давайте. Это еще что за мода артачиться! Ну вот, я теперь ключница. Так вы уже вечером приказчикам скажите, чтоб они меня ключницей предпочитали и Акулиной Степановной звали. «Я, мол, сам ее за ключницу предпочитаю и Акулиной Степановной называю, так и вы обязаны».

– Ох, что ты со мной делаешь, – вздохнул Трифон Иванович.

– И уж сегодня я вам стряпать не буду, так вы и знайте. Мне самой стряпни не надо, я и кофею с булками напьюсь, а вы ежели хотите хлебать, то посылайте для себя и для приказчиков за хлебом в трактир. А завтра нанимайте себе кухарку, и пусть она стряпает, а я над ней буду командовать.

– Акулинушка!

– Нечего тут «Акулинушка»! Давно знаю, что я Акулинушка. Двадцать четвертый год Акулинушка. И желаю я, чтоб мне каждый день в польских сапогах ходить.

– Хорошо, хорошо... А только вот что ты самовольно в ключницы навязываешься и сегодня стряпать отказываешься... Ах, разоблачаешь ты меня перед приказчиками!

– Ну что ж... Не любо в ключницы, так я и совсем уйду... – нахмурилась Акулина.

– Нет, нет, я ничего... А только...

– Что «только»?

– Переезжай на другую квартиру... Там у тебя и кухарка будет, и варенье, и сапоги польские. Шубу лисью с шелковой покрывкой даже тебе сделаю.

– Шубу лисью я и здесь хочу... Вот вы обещались мне к празднику хороший подарок – вот шубу лисью и подарите.

Трифон Иванович задумался.

– Ты уж вот что сделай... Я тебе дам денег сейчас, а ты мне передай эти деньги при приказчиках, будто ты их сама на месте накопила, а я тебе на эти деньги и куплю шубу, – сказал он.

– Ну ладно. Давайте же денег скорейча.

– Да ведь еще успеется.

– Нет, уж коли сказали, то сейчас давайте. Давайте, давайте.

- Экая ты какая!
- Какая? Не нравлюсь, так поклон, да и вон, Питер не клином сошелся. Пойду в такое место, где меня предпочитать будут.
- На, возьми... Что мне с тобой делать!
- Хозяин сходил в спальню и принес деньги, кухарка пересчитала и сказала:
- Только-то? Всего тридцать рублей? Какая же на эти деньги шуба!
- Это я так только, для видимости, чтоб тебе было что мне передать, а я уж прибавлю на шубу.
- Экий вы сквалыжник!
- Не бойся, я тебе хорошую шубу куплю.
- Ну, то-то. Худую-то я не приму. Я хочу такую шубу, как вот у нашей попадьи.
- Да ладно, ладно. Ну пей чаек-то, пей, а то остынет. Ах, Акулина, Акулина! Совсем ты меня в руки забираешь! – вздохнул хозяин.
- Да вам так и надо, – улыбалась Акулина.
- Нет, не надо этого, а магнит в тебе уж очень велик. Меня жена в руки не забирала, а ты вот и не жена, да...
- Так ведь то была жена. Нешто жены когда посмеют?..
- Я над женой-то как командовал! Слова пикнуть не смела.
- И мой муж надо мной командовал, когда вместе жили, даже бил, коли когда хмельной – это уж такое обнаковение. Слышите... И вот еще что: вы купите побольше подсолнухов да кедровых орехов. Я хочу каждый день грызть.
- Насчет этого, брат, сделай одолжение. Сколько влезет, – отвечал хозяин. – А только вот насчет прочего-то...
- Акулина вспыхнула и насупила брови.
- Странное дело! – воскликнула она. – И зачем разговаривать, коли я не согласна! Что я сказала, тому и быть так. И вот еще что... Я не желаю, чтобы у нас приказчик Андреян жил.
- Что ты, что ты! Да это честнейший малый. Он у меня с мальчиков живет.
- Пересмешник. Он-то всему супротив меня и заводчик. Расчет с паспортом ему в зубы и вон... Пусть едет в деревню.
- Это уж, Акулинушка, слишком... Этого нельзя. Ведь он на деле.
- Ну, как хотите.
- Акулина отвернулась от хозяина и заморгала глазами.
- Через минуту послышались всхлипыванья. Хозяин залез безил около Акулины.
- Акулинушка, матка! Что с тобой? Полно, полно... Не дури.
- Отстаньте вы от меня! – крикнула она и ударила его по руке.
- Стоит ли плакать! Ну, выпей сладенького чайку.
- Провалитесь вы с чаем-то вашим!..
- Она толкнула стакан, и он полетел на пол, разбившись вдребезги.
- Трифон Иванович разводил от удивления руками.
- И как только тебе не стыдно так ломаться!
- Раздразните, а потом: как тебе не стыдно! Старый черт!
- За что же это так? – удивленно выпучил глаза Трифон Иванович.
- Он еще в первый раз слышал от своей кухарки ругательства.
- А за то, что вы озорник, – отвечала она. – Я прошу, прошу, а вы не хотите... Коли я прошу что, то уж надо сделать, так вы и знайте.
- Кухарка продолжала плакать.
- Да сделаемся, не плачь только, – суетился около нее хозяин.
- Что «сделаемся»? – спросила она, посмотрев на него мокрыми, заплаканными глазами.
- Да вот насчет приказчика-то...

– Мне этого мало.

– Чего же ты еще хочешь? Ведь уж, кажется, со всем я согласился, насчет чего ты просила.

– Вы изменщики... Вы забывальщики... Вы наобещаете, а потом и жди от вас год суббот обещанного. Наклонитесь-ка сюда, и я вам скажу, чего я хочу.

Хозяин наклонился. Акулина обняла его за шею и взглянула на него полуплачущими-полусмеющимися глазами.

– Милый... Помнишь, ты обещал меня из бабы дамой сделать? Так сделай поскорей... – сказала она. – Я ужаси как хочу поскорей дамой быть.

VI. Нимфа когти запустила

Вечером, когда Трифон Иванович вернулся из лавки, в квартире его был страшный переполох. Два дворника перетаскивали кровать Акулины из кухни в небольшую комнатку об одном окне, находившуюся около столовой и до сего времени служившую Трифону Ивановичу как бы кабинетом. Здесь лежали торговые книги Трифона Ивановича, здесь он щелкал на счетах, стоя около высокой, потемневшего красного дерева конторки, здесь он отдыхал после обеда на жесткой клеенчатой кушетке. Кушетка из комнаты была уже вынесена и помещалась в столовой. В столовой же у окна стояла и конторка с книгами. Акулина ходила по комнатам и командовала дворниками. Увидав такое перемещение, Трифон Иванович даже обомлел. Он было вспылил, хотел ругаться, но, покосившись на дворников, сократил себя. Его ударило в пот, руки дрожали. Он не ожидал такого поступка от Акулины.

– Акулина Степановна! Матка... Что же это ты?.. С какой стати? – начал он тихо.

– А что такое? Уж не в кухне ли мне спать прикажете, коли ключницей сделали? – отвечала Акулина. – Благодарю покорно. Там из-под дверей с лестницы дует ужаси как, да по утрам и дворники, когда приносят дрова, то громыхают ими так, что хоть мертвого так разбудят. А здесь чудесно мне будет. Комнатка все равно даром пропадала.

– Как даром? Тут был у меня на манер как бы кабинет. Я здесь по торговле счета сводил.

– По торговле счета сводить и в столовой можете... Столовая комната большая, в ней не только счета сводить, а и в свайку играть, так и то впору.

Трифона Ивановича всего как-то покоробило, и он пожал плечами.

– Однако это, знаешь, того... – произнес он.

– Нечего тут «того»! Вы вот дворникам-то лучше скажите, чтобы они меня как ключницу вашу предпочитали и Акулиной Степановной звали, – перебила его Акулина.

Трифон Иванович был как на иголках. Он даже не раздевался, а как был в шубе и шапке, так и ходил по комнатам, хотя до сего времени, приходя к себе с улицы в комнаты, первым делом снимал шапку и крестился на образа. Он хотел что-то возразить Акулине, но не мог и только пошевелил губами.

– Кузьма! Пантелей! Подите-ка к хозяину... Он вам что-то сказать хочет! – кричала дворникам Акулина. – Ну, вот они, Трифон Иваныч... Скажите насчет предпочитания-то.

– Да, да... Человек я старый, вдовый... а тоже у нас хозяйство... так вот я Акулину Степановну в ключницы... так как она все-таки баба замужняя... – бормотал он.

– Дама теперь, а уж не баба... – поправила Акулина. – Ну а насчет величания-то?..

– Да, да... И уж прошу Акулиной Степановной ее звать, потому, так как она своим хозяйством жила, то и мое хозяйство будет теперь вести.

– Чего еще лучше... Знамо дело, коли торговый человек целый день в лавке, так уж ему не до хозяйства... – отвечали дворники.

– Дайте им, Трифон Иваныч, на выпивку по двугривенничку! – командовала Акулина. – Дали? Ну, вот и чудесно. А теперь, Кузьма, сундук надо мне из кухни сюда перетащить. Трифон Иваныч комод мне для нарядов купит, а в сундук я буду всякое старое тряпье складывать.

Начали перетаскивать сундук. Акулина шла сзади и говорила:

– Вот поедут наши земляки из Питера, так все свое старое тряпье в деревню ушлю. Там у меня племянница есть одна бедненькая, так ей вместо приданого. Что же вы, Трифон Иваныч, стоите в шубе и шапке, как полуумный какой! Раздевайтесь да идите в кухню с новой кухаркой рядиться. Там у меня землячка сидит. С ней и порядитесь. Да вон она.

Из кухни выглядывала рябая пожилая баба с кривым глазом и, держась рукою за подбородок, кланялась.

– Да что мне рядиться-то? – говорила она. – Коли хозяину по нраву я, то какой с тобой раньше у него уговор был, тот пускай и мне будет, а я уже заслужу.

– А и то правда... Я ведь уж сказала ей... – подхватила Акулина, обращаясь к хозяину. – Она женщина непьющая, старательная, работающая, зовут ее Анисьей, паспорт ейный при ней. Снимай, дура, с хозяина шубу-то да отдай ему паспорт.

Трифон Иванович беспрекословно дал новой кухарке снять с себя шубу, снял шапку, но все еще стоял посреди комнаты, как ошалелый.

– Переоблакайтесь скорей в халат-то свой. Чего так зря стоять, словно будто несолоно хлебавши! – крикнула на него Акулина.

– Что ты со мной наделала, дура ты эдакая! – прошептал он, покачав головой.

– Ну уж... Что уж... Об этом потом, на досуге бобы-то разводить будем, а теперь идите и переоблакайтесь в халат! Анисья! Ставь им самовар. Они об эту пору всегда чай пьют.

– Однако!.. – пробормотал себе под нос Трифон Иванович, бессмысленно смотря куда-то в одну точку, покрутил головой и, наскабливая затылок, поплелся к себе в спальню переодеваться в халат.

Дворники ушли, но пришли из лавки приказчики. Трифон Иванович видел их удивление по поводу перемещения Акулины из кухни в кабинет, слышал их перешептывание по этому поводу, и его ударило то в жар, то в холод. Надо было придумать какое-нибудь объяснение для приказчиков.

– Совсем на меня тень навела! Вконец тень напустила! – шептал он сквозь зубы и при этом сжимал кулаки. – Ну, баба! Черт какой-то, а не баба... Главное, ничем ты ее теперь не урезонишь, а прежде смотри какой тихоней была.

Тяжело вздохнув, он вышел в приказчицкую и, не смотря никому из приказчиков в лицо, а потупившись в пол, начал:

– Ну, вот все обижались на Акулину, что и такая она, и сякая, что и самовар вам не ставит, что хлебово плохое варит, так нанял я вам другую кухарку. Не стойте вы этого, по-настоящему не следовало бы вас баловать, жеребцов стоялых, ну да уж добр я... Старайтесь только насчет торговли, чтобы все как следует. Новая кухарка уж будет все в порядке делать, потому за ней ключница будет присматривать. Я Акулину в ключницы взял.

– Так-с... – проговорил кто-то.

Трифон Иванович поднял голову и сверкнул глазами.

– Что «так»? Ты выслушай прежде до конца, а потом и говори «так»... – накинуся он на приказчика и продолжал: – Акулина – женщина хоть и молодая, но сырая, так где же ей, чтобы полы мыть или там прочее... Это ей не под силу... А вот присматривать она может... Да и давно я воображал о ключнице. Человек я вдовый, старый... Где же мне за хозяйством уследить! А она уж уследит. Она женщина замужняя и в деревне свое хозяйство имела. В кухне ей места не было, так я теперь ее в горницы перевел и отдал ей маленькую каморку. Пусть там спит. Все равно у меня эта каморка зря пропадала.

– Это точно-с. Понятное дело... Там им лучше... – отозвался старший приказчик, пожилой уже человек.

– Что «понятное дело»! – заорал на него Трифон Иванович. – Какое еще понятие нашел! А что там ей лучше или не лучше, про это я знаю! Не тебе меня учить! Я женщину для хозяйства возвысил, чтоб вам же было бы хорошо, а у вас сейчас пакость на уме, сумление... Чтобы никогда не слышал я этого! И чтобы пронзительных улыбок никаких! А ее самое, ежели возвысил в ключницы, то почитать и уважать и Акулиной Степановной называть. Вот мой приказ.

– Слушаем-с... – послышался ответ.

Трифон Иванович повернулся и вышел из приказчицкой.

VII. Нимфа в новом теле

После объявления своим приказчикам, что кухарка Акулина произведена в ключницы и что ее уже нужно называть не Акулиной, а Акулиной Степановной, Трифон Иванович до того был расстроен и сконфужен, что не нашел ничего лучшего, как отправиться в баню. В баню он ходил после всех переполохов в своей домашней и торговой жизни и искал в бане успокоения. Когда он объявлял в приказчицкой о производстве Акулины в ключницы, Акулина стояла у дверей и подслушивала, и лишь только он вышел из приказчицкой, как она обняла его за шею, притянула к себе и прошептала:

– Милый! За это я и сама вам что-нибудь хорошенькое... Уж так буду любить, так ухаживать...

– Тише ты... Полоумная! Ну вдруг кто войдет! – довольно грубо отстранил ее от себя Трифон Иванович и тотчас же отдал приказ: – Собирай белье. Я иду в баню.

– Господи Иисусе! Да давно ли ходили в баню! – воскликнула Акулина.

– Прошу тебя, тише. И главное, не разыгрывай ты хоть при людях-то мать-командиршу.

– Да какие же тут люди... Что вы!

– А ты думаешь, приказчики теперь не будут подслушивать и следить? Поминутно будут подслушивать. Ну, иди и собирай белье!

– А я думала, что самоварчик... Напились бы вместе чайку.

– После бани чай пить буду. Как приду, так чтобы самовар был готов.

Трифон Иванович ушел в баню. По уходе его в приказчицкой начались разговоры.

– Ловко баба старика слопала! – произнес черненький, прыщавый и косоый приказчик Андреян. – Вот ты и смотри на нее, на тихоню да на дуру! А ведь на взгляд дура вдоль и поперек была.

Белокурый приказчик Василий кивнул на дверь и прошептал:

– Смотри, не подслушивает ли? Живо нажалуется самому.

– А плевать я на нее хотел! Неужто ты думаешь, я ей покорюсь? Ни в жизнь не покорюсь. Для меня она как была прислужающая, так прислужающая и останется.

Приказчик Федор, носатый средних лет мужчина, отворил дверь и заглянул в коридор.

– Нет, не подслушивает, – проговорил он.

– Припри дверь в кухню, – сказал Василий. – Ведь новую-то кухарку она из своих землячек поставила. Передавать все наши разговоры станет.

Старший приказчик, Алексей Иванов, пожилой человек, только вздыхал.

– Четырнадцать лет старик вдовствовал честно и благообразно, а на пятнадцатый год вот... извольте видеть, – сказал он.

– Опутала, ловко опутала, и так полагаю, что тут без подсыпки дело не обошлось, – прибавил Федор. – Помните, пришли мы раз из лавки, а ей цыганка в кухне ворожила? Ну вот... Соль какую-нибудь и дала наговоренную. Непременно дала. А соль и не наговоренную ежели на постель человеку насыпать, то в лучшем виде его приворожить можно.

– Просто тут коварные и пронзительные улыбки... Баба она аппетитная, из себя не вредная, глазищи у ней по ложке – ну, и подъехала к старику, – пояснял Федор. – Теперь фаворитка... Фаворитка Людовика XIV. Помните, роман-то читали? Ну вот... То же самое... Коварного кардинала только не хватает.

Старший приказчик продолжал вздыхать и угрюмо ходил из угла в угол.

– Поживу, попригляжусь маленько, да ежели какие новые притеснения от нее будут, то сейчас хозяину: пожалуйста расчет... так не согласен... В деревню еду... – бормотал он.

– Почитать ее надо как хозяйку, тогда и жить будет хорошо, – сказал Василий.

– Ну, уж это ты не хочешь ли знаешь чего?! – окрысился на него старший приказчик.

Василий между тем полез в сундук, вынул оттуда присланный ему в виде гостинца из деревни мешочек с сушеной малиной и, спрятав его под пиджак, незаметно проскользнул в хозяйские комнаты.

Акулина была в столовой и ставила на стол чашки для чаепития. Василий поклонился ей, положил на стол мешочек и произнес:

– Позвольте, Акулина Степановна, от всего нашего сердца деревенским гостинцем с вами поделиться. Сушеной малинки прислали мне из деревни.

– Ну уж... Что уж... Зачем это?... – заговорила Акулина и зарделась, как маков цвет.

– Нет, уж пожалуйста... От чистого сердца... Мне куда же?... Мне много...

– Ну, благодарю покорно. Нате вот... Я вам по-дамски... Руку протяну. – Она протянула Василию руку и сказала: – Мерси вас.

Василий переминался с ноги и не уходил.

– Давно вам пора бы, Акулина Степановна, в ключницы-то... – сказал он наконец. – Право слово... А то что так-то зря в черном теле пропадать!

– Ну уж... Вы наскажете.

– Нет, ведь это я прямо... От души... Вот как перед Истинным... Ведь вы, верьте совести, сюжет такой, что вас в сотне поискать да поискать... И рост у вас, и дородство... Брови первый сорт... Улыбки тоже – глаза с поволокою.

Давно вам, по-настоящему, в шелках да в бархатах ходить следовало.

– Полноте вам... Да неужто это вы вправду?

– Сейчас околеть.

– Ну?! А вот Трифон Иваныч все ругается.

– Ах, не понимают они смысла... всех действий... мужчинского воображения! – вздохнул Василий. – На мой взгляд, вы дама первый сорт.

Акулина вдруг затуманилась и нахмурилась. Ей запало сомнение.

– Да уж ты не вышучивать ли меня вздумал? – спросила она.

– Насчет чего-с? – изумленно проговорил Василий.

– Да вот насчет дамы-то?

– Что вы, Акулина Степановна, помилуйте... Да смею ли я, если вы у Трифона Иваныча в таком почете!

– Ну, то-то. Смотри!

– Истинно, дама первый сорт.

Лицо Акулины опять превратилось в улыбку.

– Да неужто уж я так очень на даму похожа?

– То есть как портрет. Будто вот сейчас из фотографии от Мордомазки. Извольте на себя в зеркало посмотреть.

– Ну, спасибо, спасибо. И за малину спасибо. Я сушеную малину люблю пожевать. На вот тебе рюмочку водочки... Выпей... – предложила она. – Ключи-то ведь теперь у меня. На, выпей... Выпьешь и бараночкой закусишь. Я люблю, кто меня предпочитает. На...

Она вынула из шкафа графин с водкой и рюмку. Василий выпил.

В это время раздался звонок.

– Ну, ступай... Ступай... Иди к себе в приказчицкую: Трифон Иваныч из бани идет. Сейчас чай пить будем, – заговорила Акулина и прибавила: – А ко мне-то ты все-таки иногда захаживай.

Приказчик поклонился и исчез.

– Самовар готов? – раздался голос Трифона Ивановича.

VIII. Нимфа начинает царить

Акулина встретила вернувшегося из бани хозяина ласковая, приветливая, вся сияющая улыбкой.

– С легким паром вас, Трифон Иваныч... Давайте сюда узел-то с бельем да садитесь скорей чай пить, – начала она. – А я и лимончик вам приготовила, и полотенчику сухенькое, чтобы утираться. Все, все сделала, что вы любите.

Мрачный Трифон Иванович при виде такого привета и сияющей улыбки Акулины и сам улыбнулся.

– О, зубы, зубы белоснежные! Загубила ты меня, Акулина, своими зубами! – проговорил он, покрутив головой, вздохнул, махнул рукой и сел за стол.

– Полноте... Кто вас погубит! Вы сами всякого погубите, – шептала Акулина, умышленно уж выставляя ряд белых зубов. – Стойте, я уж чай-то разливать буду, – прибавила она. – Я сяду около самовара, а вы напротив меня...

– За хозяйку хочешь быть?

– Да ведь уж я на то и пошла, чтобы ключничать и хозяйничать. Где же вам самим-то... Вы мужчина. Мужчина по лавке, а женщина по дому... Натек-ка вам стаканчик... Кушайте.

– Слушай... Только ты при приказчиках не очень...

– Что не очень?

– А насчет того, чтобы, к примеру, хозяйку-то разыгрывать.

– О! Кто о чем, а он все о приказчиках. Дались вам эти приказчики!

– Нет, ты все-таки больше под ключницу потрафляй, а не под хозяйку.

– Да что вам, в самом деле, приказчики? Взять их скрутить, цыцнуть на них хорошенько – вот и все. А не нравится им, так помелом по шее!

– Не кричи, пожалуйста... Ну что ты кричишь!

– А чего ж бояться-то? В доме жить, да уж не смей и слово сказать – очень даже удивительно. И что обидно, так это то, что приказчиков вы предпочитаете, а меня не предпочитаете.

– Полно, кто тебя не почитает! Ты уж и так всего меня в руки забрала, а я только об одном прошу, чтобы тени-то на меня было поменьше.

– Странное дело, как вы этой самой тени боитесь. Все тень да тень. Девушки нынче не боятся, а вы боитесь.

– Ах, какая ты, право!

Трифон Иванович опять покрутил головой.

– Не нравлюсь, так и меня по шее гоните. Старика-то такого, как вы, всегда найду.

– Зачем же гнать? Я не об этом...

– А не об этом, так и разговаривать нечего. У нас разных нужных разговоров пропасть, а вы о пустяках... Не хотите ли малинки сушеной? Это даве приказчик Василий принес. Ему прислали из деревни гостинцу, а он половину нам принес. Ах, какой учтивый и обходительный человек этот Василий!

Трифон Иванович широко открыл глаза и как-то перекосил рот.

– Чего вы?.. – спросила его Акулина. – Уж не хотите ли ревновать? Смотрите у меня! Я этого терпеть не могу.

– Да нет... Зачем же он ягоды-то?..

– Даме услужить захотел. Все-таки ведь я теперь на манер хозяйки. Вот, Трифон Иваныч, уж вы там как хотите, а к Рождеству ему надо жалованья прибавить.

– Ну, уж это ты, Акулина, оставь! Это не твое дело! – вспыхнул Трифон Иванович.

– Нет, мое... Кто меня предпочитает, тому и надо прибавить, чтобы в пример прочим, которые ежели неуважительные.

- Ну уж, пожалуйста...
- Ничего тут «пожалуйста»! Стало быть, вы меня не любите, коли не хотите этого сделать.
- Бога ради, тише.
- Да я и так тихо. Что вы, в самом деле!.. Да... Василию прибавить, а Андреяна отказать от места за непочтительность ко мне.
- Нет, уж ты, пожалуйста...
- Насчет Андреянова знать ничего не хочу! Или я, или он, так вы и знайте... Я у дверей прислушивала, так что он про вас и про меня говорил, ежели бы вы знали! Это просто ужаси! И что старый-то вы пес, и что я сама псовка, и что вам теперь крышка будет из-за того, что вы меня ключницей сделали. Ужас, что говорил. Она, говорит, теперь подберется к его лавке, да и лавку-то разграбит. До Рождества пусть служит, а с Рождества долой его. И чтобы об этом завтра же ему сказать.
- Акулинушка! Послушай... – вскинул на Акулину умоляющий взор Трифон Иванович.
- Знать ничего не хочу! – отвечали Акулина. – А вы его не откажете завтра, так я сама его откажу.
- Нет, уж этого ты не посмеешь!
- А посмею... Вот увидите... А не будет уходить, так кормить его не велю Анисье. С остальными приказчиками вы там как хотите. Хотите – гоните их, хотите – оставляйте, хотите – прибавляйте им жалованья, хотите – убавляйте, а чтобы Андреяна по шее. Иначе я сама уйду.
- Да полно, угомонись ты!
- Нечего мне угомониться. Да вот еще что... Завтра я приду к вам в лавку, и мне чтоб шубу лисью купить. Приду в лавку, и пойдем мы вместе шубу покупать.
- Ты, бога ради, в лавку не ходи.
- Нет, приду.
- Зачем же ты хочешь еще тень на меня наводить? Мало тебе, что навела на меня тень перед приказчиками, ты еще хочешь навести тень и перед соседями по лавке.
- Не желаю я об вашей тени и разговаривать! А в лавке мне у вас быть надо. Я хочу кухарке Анисье ситчику на платье к празднику выбрать и подарить.
- Да ведь Анисья сегодня только и в кухни-то к нам пристала.
- Ничего не обозначает. Она моя землячка, и даже мы в сватовстве с ней приходимся. Чего вы ситцу-то жалеете! Она через это самое будет наша верная раба, будет подслушивать, что приказчики про нас говорят, и нам рассказывать.
- Да ведь это сплетки.
- Пушай сплетки, но я так хочу.
- Ты насчет шубы оставь. Шубу тебе принесут на дом, ситец тоже.
- Нет, нет... Я хочу сама. Вы целую неделю насчет шубы обещаете – и все жилите... А уж у нас Рождество на дворе. А в Рождество я бесприменно хочу на манер дамы и в новой шубе к обедне с вами идти.
- Со мной? – изумился Трифон Иванович.
- Да, вместе с вами. Что ж я, оплеванная какая, что ли, что уж нельзя и к обедне вместе с вами идти!
- Да ведь тут тень... Пойми ты: тень... Встретятся знакомые...
- Трифон Иванович вскочил со стула и в волнении заходил по комнате.
- Вы о тени сколько хотите можете говорить, а только я мимо ушей буду пропускать, – произнесла Акулина. – И вот вам мой сказ: все, что я сегодня сказала, чтобы завтра было исполнено, а нет, так увидите, что будет... Я добра, добра... да ведь и жрать вас начну, точить вас буду, как ржа железо ест.

Сказано все это было с такой добродушной и красивой улыбкой, что Трифон Иванович, как ни был суров и хмур, но улыбнулся, подошел к Акулине, обнял ее за шею и, любуясь ею, сказал:

– Да ты у меня бедовая! Ах, зубы, зубы перламутровые! Загубили вы старика!

– Милый... – прошептала Акулина.

Трифон Иванович в ответ поцеловал ее.

IX. Сатир в тисках

Время было предрождественское. Покупателей в суровской лавке Трифона Ивановича Заколова было много. Закупались подарки на праздник: ситец, недорогая шерстяная материя, платки фуляровые и шерстяные. Трифон Иванович в меховом пальто и котиковой шапке похаживал по лавке и покрикивал на приказчиков:

– Порасторопней, ребята, порасторопней! Дремать нечего.

Мальчишкам лавочным он украдкой от покупателей давал легкие подзатыльники и про-износил:

– Чего глаза-то вылупил да в носу ковыряешь! Убирай товар... Видишь, сколько товару нарыто. Ну, живо, живо! Почесывайся, почесывайся!

В полдень он начал посылать приказчиков домой обедать. Приказчики уходили домой по одному и, пообедав, возвращались снова в лавку. Сходил пообедать и приказчик Андреян. Вернулся он в лавку весь красный, расстроенный, запыхавшийся.

– Дозвольте на пару слов, Трифон Иваныч, – обратился он к хозяину.

– Что тут? Какие такие пары слов? Дело делать надо теперь, а не пару слов разводите! – огрызнулся хозяин. – Вон покупатели ждут.

– Что мне покупатели, коли, может статься, уж я и не служу у вас!

– Ты вздор-то не мели, а иди и продавай. Вон ситцу спрашивают. После поговорим.

– Я работать всегда рад, а только нешто возможно такие слова! Такие слова даже очень обидно и слышать от бабы.

Андреян занялся с покупателем, а Трифон Иванович досадливо крякнул и почесал затылок.

– С Акулиной что-нибудь у него дома вышло... Ах, наверное, с Акулиной! – пробормотал он.

Андреян продал покупателю ситец и опять подошел к хозяину.

– Позвольте вас в уголок потревожить, чтобы опрос сделать, – опять начал Андреян. – После таких слов, воля ваша, я не знаю уж, в каких смыслах мне и руководствоваться.

– Что такое? Говори скорей!

Хозяин отошел в угол. Андреян стоял перед ним и слезливо моргал глазами. Прыщавое рябоватое лицо его было красно и подергивалось.

– Дозвольте, Трифон Иваныч, опрос сделать: кто у нас хозяин и кому я служу? – задал он вопрос.

– Что за вздор ты городишь! Конечно же, я хозяин, и мне ты служишь.

«Акулина, Акулина... Она что-нибудь набедокурила», – мелькнуло у него в голове.

Приказчик продолжал:

– Ну так знайте же, что Акулина сейчас мне отказала от места. Я ходил домой обедать, она налетела на меня, ни за что ни про что изругала и отказала. «До Рождества ты, – говорит, – можешь у нас оставаться, а после Рождества получишь расчет и поезжай в деревню, иначе я, – говорит, – тебя кормить не буду».

Трифон Иванович весь вспыхнул, но тотчас же совладал с собой и отвечал:

– А потому, что сам виноват... Ругатель... Ругаешься... Всех задираешь... Пересмешник... Никому спуску не даешь...

– Однако же, позвольте... Кто хозяин: она или вы?

– Коли я ее над домом в ключницы поставил, ты должен ее почитать, а не ругательные слова...

– Да когда же я, помилуйте...

– Ступай на место и делай свое дело!

– Однако должен же я знать, в каких я смыслах?..

– Ступай... После поговорим... Теперь некогда.

Трифон Иванович заходил в волнении по лавке и шептал на Акулину ругательства. «Однако что же это будет, ежели бабу так запустить! – думалось ему. – Смотри на милость, как женщина крылья расправляет! Из тихони, из смиренной бабы и вдруг такие поступки! Нет, надо крылья подрезать ей, надо. Сегодня же подрежу». Самоуправство Акулины обеспокоило его вконец. Его уже и хорошая торговля в лавке не радовала, он хотел идти в трактир, вышел на порог лавки и вдруг столкнулся нос с носом с Акулиной. Она была в новом ковровом платке, подаренном ей недавно, в суконном ватном пальто и в ярком светло-зеленом платье, виднеющемся из-под пальто. Трифон Иванович увидел Акулину и попятился. Он даже обомлел.

– Чего тебе? – спросил он гневно.

– К вам пришла, милый, – прошептала Акулина, улыбаясь.

– Зачем?

– Шубу лисью покупать, голубчик...

Улыбка Акулины делалась все приветливее и приветливее. Глаза смотрели ласково. Трифон Иванович созерцал эту улыбку, эти глупо-добродушные глаза, и гнев его стал спадать.

– Я ведь сказал тебе, чтобы ты не смела в лавку приходить.

– Не стерпела. Ну что ж вы со мной подаете?! Очень уж я люблю вас... Хотелось посмотреть, где и как вы, милый мой, торгуете... – бормотала Акулина.

– Ах, баба, баба! Что ты со мной делаешь!

– А сами-то вы что со мной делаете! Ну что ж, пойдемте лисью шубу-то покупать! Ведь обещались к празднику подарить.

– Тише, пожалуйста, тише... Приказчики-то что подумают. Да и не стоишь ты шубы. Зачем не в свои дела ввязываешься? Зачем Андреяна отказала?

– Нет, уж насчет Андреяна как хотите, а я не могу... Не могу я вместе с ним жить. Или я, или он... Так вы и выбирайте.

– Я бы и сам его отказал... А ругаю я тебя за то, зачем ты его отказала. Лавочные дела – не твоя статья.

– Да, дожидайся вас, когда вы откажете. Вы обещались сегодня поутру отказать, а сами не отказали, ну так уж я сама... Да что ж вы! Ведите же меня шубу-то покупать.

– Шубу, шубу... Ну, давай мне деньги на шубу-то... Давай при приказчиках, чтобы они видели, что ты мне даешь деньги и что я тебе шубу на твои деньги покупаю, а не в подарок дарю.

– А откуда я деньги возьму?

– Да ведь я дал тебе тридцать рублей, чтоб ты из приличия при приказчиках их мне передала, будто на шубу.

– Полноте вам перешептываться-то!.. Тех денег давно уж и нет у меня. Велики ли деньги – тридцать рублей! – улыбалась Акулина.

– Скажи на милость, как ты заговорила. Ай да баба!

Акулина даже ногой топнула.

– Да и что же это такое! Поведете вы меня шубу покупать или нет? – возвысила она голос, но тут же спохватилась и прибавила: – Впрочем, сначала мне надо еще здесь у вас в лавке. Давайте кухарке Анисье ситцу на платье.

– Я принесу, принесу... Сегодня вечером принесу.

– Нет, я хочу сама выбрать. Васильюшка, – обратилась она к приказчику, – покажи-ка, голубчик, мне ситчиков поманеристее.

Трифон Иванович отошел к стороне и только пыхтел и отдувался. Приказчики украдкой перемигивались друг с другом и шептали:

– Сама барская барыня пришла. Госпожа мадам от корыта.

Акулина выбирала ситец и шутила.

– Только уж смотрите, свою-то ключницу не обмеривать! – говорила она приказчику. – Ну, это кухарке на платье. А теперь давайте мне хорошее тканьеовое одеяло для кровати. Это я себе. Трифон Иваныч! Можно?..

– Покажите ей покрывала тканьеовые... – скрепя сердце отвечал хозяин.

– Вы уж и матерьицы шелковой мне на платье. Можно, Трифон Иваныч?

Трифон Иванович молчал.

– Давай, давай... – говорила Акулина приказчику. – Давай материи-то получше! А с хозяином я уж дома сочтусь.

Она отобрала товар и сказала:

– Ну, ужо вечером все это принесите к нам домой, Трифон Иваныч! – обратилась она к хозяину. – Идемте теперь шубу-то покупать. Я освободилась: все, что нужно, отобрала. Ну, прощайте, молодцы. Спасибо вам. Счастливо торговать. Трифон Иваныч! Идемте же!

Трифон Иванович тяжело вздохнул, как-то весь съежился и, боясь смотреть в глаза приказчикам, поплелся за Акулиной.

Х. Нимфа в блаженстве

Акулина торжествовала. Она явилась домой из рынка с трехсотрублевой лисьей шубой, крытой шелковой материей. Трифон Иванович хоть и жался, хоть и отговаривал Акулину покупать такую дорогую шубу, но все-таки, по требованию Акулины, заплатил за шубу деньги. Вечером приказчики принесли ей из лавки шелковой материи на платье и тканьеовое одеяло. Акулина зажгла в квартире все свечи и то и дело примеривала на себя шубу, ходила в ней по комнате, сидела, смотрелась в зеркало. От жарко натопленной квартиры и от теплой шубы пот с нее лил градом. Трифон Иванович был как в воду опущенный и ворчал. Акулина отвечала ему ласками.

– А уж как я вас за эту шубу любить-то буду, так просто ужаси, голубчик вы мой седенький! – восклицала она радостно.

– Не ори ты! Чего ты орешь! – останавливал ее Трифон Иванович. – Ведь приказчики слышат. Дом у нас словно решето. В одной комнате икнешь, так уж в другой слышно, а ты про любовь орешь!

– Да полноте... Чего нам скрывать-то? И так уж все знают, и видят, и чувствуют. Ну, вот теперь я вам буду совсем под кадрель, коли ежели в этой шубе. В этой шубе не стыдно вам со мной и под ручку по улице пройтись.

– Мели больше. Я и с родной-то женой никогда под ручку не хаживал.

– А со мной пойдете. Вот в Крещеньев день Ердань будет... Поведете меня на Ердань смотреть, так там и будем гулять на манер кавалера с дамой. Чего вам стыдиться-то? Я теперь в этой шубе совсем дама, и ежели мне еще дамскую шляпку с пером...

– Выдумай еще что-нибудь.

– А то что ж? Без дамской шляпки нельзя. Вы так и знайте, что завтра я куплю себе шляпку. Полковницкая горничная из семнадцатого номера очень чудесно знает, где эти шляпки покупать надо.

– Нет, уж ты насчет шляпки-то отдумай... Будет... довольно... И в платке походишь.

– Пожалуйста, пожалуйста... Если вы насчет жадности, то не беспокойтесь: у меня на шляпку и свои деньги есть, – отвечала Акулина. – Фу, батюшки, какая эта шуба жаркая! Инда даже взопрела вся.

– Да сними ты с себя шубу-то!

– Зачем снимать? Дайте мне покрасоваться-то! Пар костей не ломит.

Акулина вышла в кухню и стала показываться кухарке Анисье, хотя уже несколько раз показывалась ей в шубе.

– Ты, Анисья, тронь-ка рукой материю-то, тронь-ка... Шурчит... Ты даве, кажись, не трогала... – говорила Акулина.

– Трогала, родная, трогала, да давай еще потрогаю, – отвечала Анисья, подмигивая кривым глазом и глядя ее по спине. – Совсем купчиха первостатейная. Да что купчиха! От генеральши не отличишь.

– Вот видишь, как меня хозяин ценит и предпочитает! – хвасталась Акулина. – Что моей душеньке захочется, то и покупает. А приказчики, одры, ничего этого не понимают и не предпочитают меня.

Последние слова Акулина нарочно произнесла громче, дабы слышали приказчики, находившиеся в приказчицкой, которая приходилась совсем рядом с кухней.

– Они не понимают, идола, что стоит мне только захотеть да Трифону Иванычу слово шепнуть, то все они с местов слетят и не будет их духа даже здесь слышно... – похвалилась Акулина, как бы вызывая приказчиков на возражения, но возражения не последовало; только за дверями в приказчицкой кто-то громко захохотал.

Акулина отворила дверь в приказчицкую и заглянула туда. Смеялся приказчик Андреян.
– Ты это надо мной смеешься, что ли? – спросила она и прибавила: – Смейся, смейся, немного уж тебе у нас посмеяться осталось.

– Стану я над тобой смеяться! Я своему смеху смеюсь, – отвечал Андреян.

– Своему ли, чужому ли, а только остерегись покуда, а то ведь и без расчета могут согнать!

– Не ты ли сгонишь?

– Да как ты смеешь, паршивец эдакий, мне так охально отвечать! Что я тебе, равная досталась, что ли? Постой, вот я сейчас на тебя Трифону Иванычу нажалуюсь.

Акулина бросилась в комнаты.

– Трифон Иваныч... Мне от Андреяна просто житья нет. То и дело он меня задирает, – начала она. – Вот сейчас только вышла я в кухню, а он смешки надо мной... Голубчик, вы уж сгоните его завтра... Что вам до Рождества-то его держать! Ведь уж немного осталось до Рождества. А то он в Рождество напьется пьяный и ругательски меня изругает, а то так и побьет... А что ежели насчет нового приказчика, то отписала я в деревню и приедет к нам мой племяш Пантелей – его и возьмете в приказчики. Он человек тоже торговый: в Москве яблоками торговал и в извоз ездил. Сгоните, голубчик, завтра Андреяна.

Трифон Иванович воздевал только руки к потолку и шептал:

– Нельзя так, Акулина, нельзя! Нечего тебе в торговые дела вязаться! Андреян мне перед праздником нужен. Как быть без приказчика, коли полна лавка покупателей!

– Ну, коли так, я плакать буду... На всю квартиру плакать буду. Пусть соседи знают, что вы надо мной тиранствуете...

Акулина села на стул и, закрыв лицо руками, начала причитать.

– Меня обижают, а хозяева и заступиться за меня не хотят. Я сирота в здешнем месте... Женщина я сырая, слабая...

– Не вой, не вой ты, бога ради! Довольно... – махал руками Трифон Иванович.

– А сгоните завтра Андреяна?

– Да уж сгоню. Ну тебя...

– Голубчик, как я любить-то вас за это буду! А Пантелей приедет, вот вы его в приказчики и возьмете. Он человек торговый.

– Какой же торговый человек, коли в извоз ездил! Такие нам не годятся.

– Нет, он и яблоками торговал.

– А нам надо человека, который бы был к суровскому делу привычен.

– Научится.

– Нет уж, ты вздор не мели. Я уж наметил себе приказчика.

– А куда же я племяша-то дену? Нет, нет, чтобы уж взять мне племяша, чтобы уж взять Пантелея... Он парень шустрый, ходовой. Зачем же я его тогда выписывала-то?

– А кто тебя знает зачем! Ты бы еще всю деревню выписала.

– Так, так-то вы со мной... Обидчик...

Акулина заморгала глазами и наконец заплакала.

– Господи! Что же ты это со мной, Акулина, делаешь! – всплескивал руками Трифон Иванович. – Обещалась утешать меня за все мои блага, а сама только тревожишь. Ну, полно, полно... Не вой, не вой... Найдем мы и Пантелею место.

– Я хочу, чтобы он при мне жил...

– Да ведь еще не скоро приедет, а там видно будет. Ну оставь плакать... Ну чего ты! Как тебе не стыдно.

Акулина утирала рукавом слезы и говорила:

– Сами разобидите, а потом и стыдите... Трифон Иваныч... Я клюквенной пастилы хочу, – переменяла вдруг она тон. – Пошлите за пастилой.

– Да посылай сама. Ведь кухарка есть.

– Я хочу, чтобы вы мне удружили.

– Эх!.. – крикнул Трифон Иванович и поплелся в кухню посылать Анисью за пастилой.

Когда он вернулся в комнаты, Акулина уж улыбалась.

– Милый! – говорила она, кладя ему руки на плечи и ласково смотря в глаза. – Как я вас люблю-то... А только вы меня не раздражайте, а предпочитайте, и тогда я вас еще больше любить буду.

XI. Нимфа карает и награждает

Было утро рождественского сочельника. Трифон Иванович только еще восстал от сна и, побрякивая, шмыгал туфлями по комнатам. На столе пыхтел самовар. Приказчики еще не уходили в лавку. В столовую вошел приказчик Андреян и поклонился хозяину.

– Что тебе? – спросил его Трифон Иванович.

– Акулина послала. Сказала, что вы требуете.

– Акулина! Сто раз вам повторять, что ли, чтоб вы не смели называть ее Акулиной! – закричал на него Трифон Иванович. – Акулина Степановна она для вас, а не Акулина. Сам я называю ее Акулиной Степановной, и вы должны так звать! Зачем она тебя прислала?

– Не могу знать-с.

Акулина уж и сама стояла в дверях.

– А затем, что вы мне обещали по шеем его прогнать, – ответила она и села на стул.

Трифона Ивановича всего передернуло.

– Ступай, матушка... Нечего тебе тут делать... – сказал он Акулине.

– А вот выдадите ему расчет да прогоните, так тогда и уйду.

Нужно было покориться. Трифон Иванович покраснел, пошамкал губами и, обратясь к приказчику, произнес:

– Увольняю я тебя... Прямо за непочтение увольняю. Не умеешь жить... Дрязги да свары... Смешки да зади ранья.

– Да когда же я вас, Трифон Иваныч...

– Еще бы ты посмел меня-то! Сейчас получишь расчет.

– Неужто, Трифон Иваныч, из-за этой самой кухарки, которая вас в руки забрала!

– Молчать! Сто раз вам было сказано, что она не кухарка.

– И пусть сегодня уходит, пусть сегодня, чтобы его духу не было! – заголосила Акулина.

– Молчать! Кто здесь хозяин? – вырвалось у Трифона Ивановича.

– Хозяин вы, да и я ведь теперь не обсевок в поле. Сами разными льстивыми словами сманили, сами уговаривали...

Акулина закапала слезами.

– Довольно, довольно, матушка... Ступай к себе в комнату. Я все сделаю.

– Скажите прежде при мне, чтобы он здесь сегодня не оставался, а шел на все четыре стороны, тогда я и уйду.

– Собирай, Андреян, свои пожитки и уходи. Сегодня же уходи. Не желаю я, чтобы у меня в доме на праздниках были смутьянства да ссоры.

– Да куда же я денусь на праздник-то, Трифон Иваныч? Эдакий у Бога завтра праздник...

– Найдешь место. По кабакам да по трактирам тебе места хватит, – пробормотала Акулина и вышла из комнаты.

Трифон Иванович взял книгу, свел счета, отправился в спальню, вынес оттуда тощую пачку денег и, передавая ее Андреяну, сказал:

– Вот твой расчет... Тут твое зажитое... – Затем он опустил руку в карман халата, вынул оттуда красненькую бумажку и тихо прибавил: – А это тебе как бы на праздник... Возьми и спрячь... Праздник где-нибудь промотаешься, а потом я тебя откамердную Афанасию Петрову.

– Благодарим покорно, Трифон Иваныч... А только из-за смутьянки-бабы...

– Вон! – сделал повелительный жест рукой Трифон Иванович.

Приказчик исчез за дверью. Показалась Акулина. Она сияла улыбкой.

– Ну, вот за это спасибо, ну, вот за это благодарю! Ах, Трифон Иваныч, как после всего этого я вас любить буду, так просто ужаси, – проговорила она и хотела обнять его, но он отвернулся и сказал:

– Чего ты! Не понимаешь нешто, что сегодня сочельник и лизаться грех!

Трифон Иванович сел пить чай. Он хмурился и не смотрел на Акулину. Та села против него.

– Вот уж теперь и смутьянства будет меньше, – говорила она. – Одного выгнали, а другим это на нос зарубка, и они будут меня предпочитать. А вот теперь, которые ежели почтительные, тех побаловать надо и всякое им удовольствие за их ласковость... Вот, к примеру, наш Василий... Уж какой парень учтивый и ласковый! Ужаси какой ласковый... Вот ему выдайте теперь на праздник, на гулянку.

– Ну, уж это мое дело... – огрызнулся Трифон Иванович.

– А я хотела вас попросить, чтобы вы мне дали, а я ему передам.

– Так уж ты бы тогда шла в лавку да заместо хозяина и за прилавок становилась.

– А что ж! Думаете, я не сумею? Очень чудесно сумею! Да и как ладно-то было бы! Вы в трактир чай пить, а я в лавке за прилавком... По крайности, тогда уж у вас ни копейки бы не разворовали. Везде глаз.

– Ну, уж ты насчет этого, пожалуйста, отдумай! Никогда этому не бывать. Мало мне еще дома-то срамоты, так ты еще в лавку перетащить ее хочешь!

– Срамоты! А вы зачем льстивыми словами на срамоту-то соблазняли? Ах уж эти мужчины! Хуже их, кажись, на свете и твари нет! Сами соблазнят, а потом корят. Послушайте... Дайте-ка сейчас при мне Василию на праздник. «Это, мол, тебе за предпочтение Акулины Степановны». Малины ведь сушеной подарил нам...

– Не проси, Акулина, не проси... Все своим чередом совершится. Завтра утром поздравят меня приказчики с праздником, я им праздничную награду и дам.

– То, голубчик, само собой, а Василию за меня... За его учтивость и ласковость. Анисья! Подь-ка, милая, сюда! – кликнула Акулина кухарку.

– Чего ты кричишь? Что тебе? – спросил Трифон Иванович.

– А вот сейчас...

Вошла Анисья.

– Позови-ка, милая девушка, сейчас сюда нам Василия, – обратилась к ней Акулина. – Да так позови, чтобы потихоньку от других.

– Ну что же ты со мной делаешь, Акулина! – вскочил с места Трифон Иванович и заходил по комнате. – Не надо звать Василия.

– Ничего, ничего, Анисьюшка, зови. Хозяин это так только... Иди... И зачем это вы только, Трифон Иваныч, горячку порете! Коли человек Василий ласковый, то надо и его польстить лаской. А другие это себе на ус наматают и в понятиях будут. А коли все со мной будут ласковы, то будет у нас в доме тишь да гладь да божья благодать.

Вошел приказчик Василий и поклонился.

– Звать изволили? – спросил он хозяина.

– Да, Васильюшка, мы тебя звали, – отвечала Акулина. – Так как ты человек ласковый и ко мне почтительный, за настоящую хозяйку меня предпочитаешь, то хозяин хочет и тебе сделать ласку на праздник. Ну что ж, давайте же ему, что я сказала, – обратилась она к Трифону Ивановичу.

Трифон Иванович только тяжело вздохнул.

– Несите, несите... Нечего тут... Несите из спаль ной-то.

Трифон Иванович вынес из спальни десять рублей.

– Вот, Василий, бери, – сказала Акулина приказчику. – Это будто от меня самой. За ласковость твою и за почтение ко мне... За то, что ты меня предпочитаешь.

– Покорнейше вас благодарю, Акулина Степановна, Трифон Иваныч, благодарю покорно.

– От Трифона Иваныча само собой получишь, а это от меня только. Так и другим скажи: что вот, мол, мне что Акулина Степановна за ласку...

– Не надо. Не говори! – крикнул Трифон Иванович.

– Нет, скажи, скажи... Пусть все знают, – стояла на своем Акулина и прибавила: – Ну, теперь ступай... Больше ничего... Иди, иди с богом.

ХII. Нимфа и ее наперсница

По уходе Трифона Ивановича в лавку Акулина тотчас же послала свою кухарку Анисью за полковницей горничной Катериной. Катерина, средних лет некрасивая женщина, жила у какой-то вдовы-полковницы по той же лестнице, где квартировал и Трифон Иванович, и в последнее время была как бы наперсницей и менторшей Акулины. Акулина сообщала ей все свои тайны и успехи у Трифона Ивановича, а также «обучалась полировке». Катерина тотчас же прибежала к ней. Она была в самом непривлекательном неглиже: растрепанная, с подоткнутым подолом платья.

– А у нас сегодня уборка перед праздниками, – сказала она, чмокаясь с Акулиной в губы. – Чистота нашей самой приспичила. Там перетряхай, тут паутину снимай... Инда смучила всю. Уж и так, кажись, у нас дом жаром от чистоты горит, а тут чисть и подмывай еще. Просто дурит. Ты зачем присылала-то, родная?

– Пойдем в столовую, напьемся кофейку с миндальными сливочками ради сочельника. Мне тебя кое о чем порасспросить нужно, – отвечала Акулина.

– И, душечка! До кофеев ли мне теперь! Ведь приказала, подлая, дверные ручки кислотой с кирпичом вычистить. Ужаси, сколько дела!

– Ну, дело не медведь, в лес не убежит. Успеешь еще ручки-то у дверей вычистить. А кофейю-то долго ли выпить?

– Да ведь заругается, ведьма! Накинется: где пропадала?

– А ты скажи, что в мелочную лавку за чем-нибудь бегала.

– Милая ты моя, да кабы она у нас была путная барыня, а то ведь она у нас подчас словно с цепи сорвется. Какой тут кофей! До кофейю ли уж...

– Ну, на скору руку, – упрашивала Акулина – Сливки-то миндальные уж очень хороши.

– Разве только на скору руку... – согласилась Катерина, вошла в столовую и села с Акулиной за стол. – Ах, какая ты, Акулина Степановна, посмотрю я на тебя, счастливая, так просто зависть берет, гляючи! – всплескивала она руками. – Хоть бы месяц мне так пожить, право слово. Тут вот за восемь-то рублей в месяц бьешься и елозишь перед самой каждый день, а ты никакого этого самого начала над собой не знаешь и живешь во все свое сладостное удовольствие.

– Даже еще над Трифоном Иванычем команду, – похвасталась Акулина.

– Так и надо, милая, так и надо. Как можно крепче его в руки забирай. Он так, а ты эдак, и коли ежели что – сейчас к нему спиной обернись.

– Да я уж и то: вы меня не предпочитаете – ну, тогда и я вам уважать не намерена. Днем-то я тебе мою шубу ведь не показывала. Днем-то она еще лучше. Вот посмотри-ка.

Началось надевание шубы перед зеркалом. Надевала Акулина, надевала и Катерина.

– В сорочке родилась, в сорочке... Что говорить! И говорить нечего... – бормотала Катерина. – И за что только тебе такое счастье приплыло!

– За мою простоту. За то, что проста уж я очень да ласкова. Ведь Трифон Иваныч всей моей доброты да ласковости даже и не понимает. Я к нему так, а он эдак... Вот все приказчиков своих пужается.

– Покруче надо, милая, покруче с ним. Где лаской, а где и пофордыбачить.

– Да я уж и то... Ведь я Андреяна-то приказчика отказала, а на место его племянника своего беру. Вот скоро приедет из деревни. Андреяна отказала, а Василию за почтительность десять рублей подарила.

– Так и следует, Акулина Степановна, так и следует. Впрочем, что же я кофей-то? – вспомнила Катерина. – Выпить да и бежать. А то ведь сама крышу с дома снесет, кричавши. Ужас какая горлопятина! Ты о чем же, милая, меня расспросить-то хотела?

– Ах да... – спохватилась Акулина. – В разговорах-то я было и забыла. Покажи мне, душечка Катерина Афанасьевна, как мне новомодную-то шляпку на себя надевать, что вчера купили. А то я боюсь, как бы не перепутать. Завтра пойду в ней к обедне, так чтобы не надеть шиворот-навыворот. Долго ли до греха! Ведь отродясь я этих шляпок-то не нашивала.

– Мудрости большой нет.

– Ну, как сказать... Можно и не тем концом надеть. А ты уж покажи мне, как по самому новомодному фасону надо.

– Ну, то-то. Разика три я при тебе надену, как следует, тогда и попривыкнешь.

Начинается надевание шляпки перед зеркалом. Катерина суетится около Акулины.

– Пройдись-ка теперь в ней, пройдись-ка... – говорит она. – Вот так. Только уж ты не очень с ноги-то на ногу переваливайся.

– Сем-ка опять шубу надену, да в шубе... Не надеть ли уж и платье матерчатое?

– Платье-то уж зачем же? Платье завтра наденешь.

– Ну ладно. А завтра-то я и браслетку надену. Ведь он мне и браслетку подарил. Вот я тебе сейчас ее покажу. Вот...

Акулина достала браслет.

– Прелесть, прелесть что такое! – хвалила Катерина. – Тереби с него, Акулинушка, тереби. Умрет, так, по крайности, помянуть его будет чем.

– Да я уж и то.

– Подбирай его к рукам, подбирай... Браслетку подарил – проси скорей часы с цепочкой. Ну-ка, надень-ка браслетку-то на руку.

Надевается браслет, потом шуба. Акулина опять прохаживается по комнате. Катерина сидит и допивает чашку кофею.

– Ну, ин бежать мне домой. А то сама раскричится, – говорит она наконец.

– Постой... – останавливает ее Акулина. – Я еще тебя кое-что хочу спросить.

– Ну?

– Расскажи мне, милая моя Катерина Афанасьевна, как надо дамой настоящей новомодной быть, а то мне чтобы не перепутаться.

– Дамой? – протянула Катерина. – Ну, дамой немудрено быть.

– Однако все-таки... Ведь вот завтра у нас Рождество... К Трифону Иванычу будут всякие разные гости приходить, так мне чтобы в самом разе быть и под даму потрафить. Как в настоящих-то домах дамы действуют?

– Очень просто. Во-первых, целый день ты должна быть в параде одевшись и сидеть на диване с книжкой. Ты грамотная?

– Нет, милая, неграмотная.

– Вот это-то плохо. Ну, коли неграмотная, то сиди и на картах гадай, а нет, так ешь что-нибудь... Хочешь – пастилу ешь, хочешь – орехи кедровые грызи. На обеденном столе закуску накрой из разных сортов и выпивку всякую поставь. И пусть она целый день стоит.

– Ладно. А самой сидеть?

– Сама сиди. Принесет почтальон карточки поздравительные – вели ему двугривенный на чай дать, а карточки вынь из конвертов и положи на тарелку.

– Там, где закуска?

– Нет, нет... Тарелку отдельно поставь. Поставь на видном месте. Вон хоть там, перед зеркалом. А ежели публика поздравляющая будет приходить, то проси садиться и заводи политичный разговор.

– А целоваться с мужчинами не надо?

– Не надо, не надо. Целуются только в Пасху. Ты просто только руку подай и сейчас такие слова: не хотите ли, мол, выпить и закусить.

– А самой не есть и не пить за компанию?

– Нет, не ешь и не пей. Модные дамы не едят и не пьют при публике. Да и понатянуться можешь, если со всяким-то прикладываться, а это не модель.

– Вот политичные-то разговоры я не умею...

– Да ничего нет трудного. Одного спросишь: где вы изволили быть у заутрени? Другого: были ли перед праздником в театре? Третьего, который ежели постарше и посолиднее, спросишь: почему гусей к празднику покупали?

– Только и всего?

– Только и всего. А скажут тебе комплимент – не стыдись и рукавом не закрывайся.

– Как? Как ты сказала? Что скажут? – спросила Акулина.

– Комплимент.

– Это что же такое обозначает?

– Ну, к примеру, похвалит кто-нибудь твою красоту, так ты рукавом глаза не закрывай и отвечай с улыбкой так: «Полноте... Какие вы насмешники!»

– И больше ничего? – спросила Акулина.

– Да ведь там глядя по обстоятельствам. Так вперед обучить нельзя. Одному гостю надо одно сказать, чтобы было к месту, а другому другое.

– Вот к месту-то чтобы сказать, милая девушка, у меня и не выходит.

– Ну, как-нибудь попривыкнешь. Сразу ведь нельзя. Однако прощай. Пора мне. И так уж чувствую, что ругательски изругает меня моя полковница.

Катерина поднялась с места и расцеловалась с Акулиной. Акулина бросилась ее провожать на лестницу.

ХІІІ. Нимфа укрепляется

Праздник Рождества. Трифон Иванович отправился к обедне в приходскую церковь. Отправилась и Акулина, навьючив на себя все имевшиеся у ней наряды. Вышли они не вместе, но на дороге Акулина догнала его.

– Как вы спешите, так просто даже удивительно! Словно на пожар, – сказала она.

– На молитву спешить – не грех, а вот с молитвы – дело другое, – сухо отвечал Трифон Иванович.

– Я-то за вами еле успела.

– Да и нечего было успевать.

– Ну, все-таки приятнее в компании...

– На молитве можно быть и без компании.

Произошла пауза. Трифон Иванович ускорил шаг. Ускорила и Акулина.

– Трифон Иваныч, похожа я теперь на даму в этой шубе и шляпке? – спросила она.

– Да уж похожа, похожа... Ну тебя...

– То-то, я думаю, отчего же мне не быть похожей? Не хуже я других.

В церкви, поздоровавшись с церковным старостой, Трифон Иванович стал около свечной выручки. Акулина поместилась рядом с ним. Трифон Иванович покосился, но ничего не сказал. Через несколько времени Акулина положила на свечную выручку гривенник и сказала церковному старосте:

– Две свечки поставьте: одну празднику, а другую мученику Трифону.

Трифон Иванович стоял, молился и подпевал хриплым басом за певчими. Акулина прислушивалась и наконец шепнула ему:

– Как это вы чудесно все знаете, что петь нужно. Словно дьячок.

Он промолчал. Через минуту она опять шепнула ему:

– Надела браслетку, да боюсь, как бы не потерять ее.

Он опять промолчал. Через несколько времени Акулина снова прошептала:

– Ужаси как жарко! Снять бы шубу, да положить-то некуда.

Снова молчание. Акулина в четвертый раз шепнула:

– Надела турнур этот самый, по-дамски, да с непривычки-то как-то неловко.

Трифон Иванович поморщился и отошел от свечной выручки. Акулина последовала за ним. Он обернулся и сказал:

– Куда ж ты?

– Голубчик! Дайте постоять с вами, – умоляюще вскинула она на него глаза.

– Ты вот что... Ты стоять стой, но разговорами не занимайся. Ты нешто затем в церковь пришла, чтобы разговорами заниматься?

– Не буду, не буду, голубчик.

Обедня кончилась. Трифон Иванович стал выходить из церкви. Акулина была около и шла рядом. Трифону Ивановичу попадались знакомые, здоровались с ним и поздравляли с праздником. Трифон Иванович раскланивался и благодарил. Акулина тоже кланялась знакомым Трифона Ивановича. Какой-то повстречавшийся знакомый купец сказал ему:

– Будешь ли дома сегодня? Коли дома, так зайду Христа прославить и рюмочку выпить.

– Только у сестры замужней надо побывать, а то дома, – отвечал Трифон Иванович.

– Ну, там я зайду.

– Милости просим, – промолвила Акулина и поклонилась.

Знакомый купец, зная Трифона Ивановича за старого вдовца, покосился на Акулину и отошел. Трифон Иванович вспылил и накинулся на Акулину.

– Ты-то чего лезешь! Ты-то чего суешься и приглашаешь! – крикнул он.

– А то как же, – отвечала она. – Ведь я ключница у вас, на манер хозяйки.

– Так ты и держи себя в аккурате, как ключница, а тени-то не наводи.

– Какая же тут тень, полноте... Просто пригласила от чистого сердца.

Они пришли домой и стали взбираться по лестнице.

– Или ты иди вперед, или я пойду вперед. Ну что по пятам-то друг за дружкой ходить! – огрызнулся на Акулину Трифон Иванович.

– Голубчик, мне с вами хочется.

– Да ты уж хоть дома тень-то не наводи.

– Эво чего хватились! Дома и так все знают.

– Не пойду я с тобой. Я и с женой никогда не ходил вместе.

Акулина поупрямилась, но пошла вперед. Трифон Иванович постоял на лестнице и уже один вошел в квартиру. В столовой его встретила Акулина, свежая, цветущая, сияющая приветливой улыбкой. В руках она держала шитое красными петухами полотенце и пару носков из грубой шерсти.

– Ну, с праздником вас теперь, Трифон Иваныч... Позвольте вас поцеловать. А это вот вам на праздник мое рукодельице в подарок.

Сердиться и фыркать было невозможно, до того все это было просто и приветливо. Трифон Иванович покосился на двери и расцеловался с Акулиной.

– Голубчик, как я вас люблю-то! Просто ужаси... – шептала она.

Через десять минут на столе кипел самовар. Трифон Иванович в золотой медали на аннинской ленте на шее, поскрипывая новыми сапогами, ходил из угла в угол по комнате и напевал: «Христос рождается, славите...» Акулина в новом шелковом, шуршащем платье суе-тилась, заваривая чай, она подошла к зеркалу и стала вертеться перед зеркалом, смотря на себя.

– Да уж хороша, хороша... – сказал Трифон Иванович.

– Голубчик... Посмотрите... Ну нешто теперь я могу сконфузить? Ни в жизнь. Ведь я совсем новомодная дама. И турнир назади, и все...

Вошли приказчики и стали поздравлять с праздником.

– С праздником имеем честь вас поздравить, Трифон Иваныч, – говорили они. – И вас также с праздником, Акулина Степановна.

– Спасибо, спасибо... – отвечала Акулина.

Трифон Иванович подавал приказчикам руку и просил садиться к столу. Акулина тоже лезла с рукой. В этот день, по заведенному порядку, приказчики пили чай вместе с хозяином. Трифон Иванович отправился в спальную и вынес оттуда деньги, которые разделил и дал приказчикам «на праздник, на гулянку», как он выражался. Приказчики поблагодарили. Приказчик Василий переминался с ноги на ногу и наконец сказал:

– Есть у нас и для Акулины Степановны от приказчиков подарок. Ежели Акулина Степановна не побрезгают, а Трифон Иваныч дозволит, то мы сейчас... Дозволите, Трифон Иваныч?..

– Ну что же... Отчего же... Дарите... Что ж тут такого? Отчего же и не подарить госпоже ключнице, которая для вас старается?

Василий тотчас же сбегал в приказчицкую и принес деревянный ящичек.

– Щикатулка-с... А там конфетное удовольствие... Щикатулка, чтоб иголки, нитки пря-тать, а конфетное удовольствие для забавы, – сказал он. – Пожалуйте, Акулина Степановна. Это ото всех приказчиков.

Акулина так и зарделась, как маков цвет.

– Ну, спасибо... вот за это спасибо... – заговорила она. – За это я вас тоже предпочитать буду.

Пили чай. Акулина долго не решалась сесть за стол при приказчиках и все посматривала на Трифона Ивановича.

– Ну, садись и ты для праздника, – сказал тот.

Она села. Разговор не клеился и со стороны хозяина ограничивался только вопросами: «Где был у обедни? Куда пойдете сегодня после чаю?»

Приказчики рассказывали, но скоро такой разговор иссяк. Акулина попробовала возобновить разговор.

– Ужаси как сегодня было жарко в церкви за обедней, – сказала она. – Мы с Трифоном Иванычем просто сопрели от жары.

На слове «мы» она умышленно сделала значительное ударение.

Приказчики кончили пить чай и стали подниматься с мест.

– Акулина Степановна! Закусить бы им да выпить... – сказал Трифон Иванович.

– А это уж потом... Вот спервоначала самовар уберем, а потом и закуску с выпивкой накроем. Уж вы не беспокойтесь, я сделаю, и все будет как следует. Чего вам?.. Теперь я хозяйка.

Приказчики пятились к двери и кланялись.

– А со двора пойдете ужо, так насчет вина не очень... – наставительно прибавил хозяин.

– Да уж сегодня-то пушай выпьют для праздника как следует. Я сердиться не буду, – отвечала Акулина.

Трифон Иванович бросил на нее строгий взгляд и хотел что-то сказать, но приказчиков уже не было в комнате.

Акулина подошла к Трифону Ивановичу, ласково погладила его сбоку по бороде и сказала:

– Вы у меня сегодня совсем милый и душевный такой.

XIV. Нимфа укрепилась

Часов около одиннадцати утра у Трифона Ивановича был уже в столовой накрыт стол для поздравляющих с праздником христославов. На первом плане, по обычаю, ютился окорок ветчины; далее стоял заливной поросенок, лежали на тарелках икра, сыр, селедка. Тут же помещались два графина – с очищенной и с рябиновой и около них рюмки. Была и «елисейская мадера», отзывающая мокрым тулупом, был ряд пивных бутылок. Когда все было готово, Акулина подошла к Трифону Ивановичу, положила ему свои руки на плечи и прошептала:

– Готово, Трифон Иваныч... Вся закуска готова... Приказчики также у себя в приказчицкой накормлены. Дала им водки графинчик, дала пива полдюжины. Послушайте, Трифон Иваныч, пойдете и выпьете теперь вместе, на манер как бы муж и жена...

– Вона! Вона чего захотела! Какой же я тебе муж и какая ты мне жена! – отвечал Трифон Иванович. – Не жена ты мне, а беззаконница.

– Так ведь из-за вас в беззаконницы-то пошла... Вас любя... Ну что бы вы без меня теперь были в праздник? Сирота сиротой. А теперь вам, по крайности, хоть выпить-то есть с кем.

Трифон Иванович улыбнулся и отвечал:

– Ну, пойдём выпьем... Что с тобой делать!

Они выпили по рюмке. От выпитого вина Акулина раскраснелась, обняла Трифона Ивановича и говорила:

– Милый ты мой, ведь вот ты хоть и старый, а я теперь тебя ни на какого молодого мужа не променяю, такой ты ласковый да обходительный. Что мне муж?.. У меня вон муж молодой и красивый, да что в нем, коли он норовит все в зубы да в скулу, а вы меня предпочитаете и никогда чтобы хоть пальцем тронуть или пинком.

В прихожей раздался звонок. Трифон Иванович отпрянул от Акулины и заходил по комнате.

– Ну, ты вот что... Кто-то из христославов поздравлять идет, так ты не того... ты не очень... чтобы незаметно было... – говорил он. – Ты уж нежности-то при людях брось и содержи себя как ключница. Да лучше всего, если бы ты ушла к себе в комнату. А то что хорошего как бельмо на глазу торчать!

– Голубчик! – вскинула Акулина умоляющий взор на Трифона Ивановича.

Тот хотел что-то сказать, но было уже поздно. В столовую вошел визитер. Это был тот самый купец, который встретился в церкви и обещался зайти.

– С праздником! – раскланивался он, протягивая хозяину руку и кивая Акулине. – Вот и самого тебя застал.

– По рюмочке да закусить... – предложил хозяин.

– Да что по рюмочке! Былое дело. Сегодня уж и то спозаранку две выпил.

– А теперь третью можно. Бог Троицу любит, – откликнулась Акулина.

– Верно, сударыня, а только надо и себя соблюсти. Жена заказывала, чтоб поменьше...

В одном доме рюмочку, в другом доме рюмочку – смотришь, и наберется.

– Ну, уж жены, известно... А смотришь, и сами рады выпить. Я сама дама, так уж знаю.

Гость наклонился к Трифону Ивановичу, кивнул на Акулину и спросил:

– Сродственница?

– Да... Из деревни выписал... и теперь держу на манер как бы в ключницах. Вдовый я человек... Хозяйство большое... приказчики... Всех накормить, напоить надо, – отвечал Трифон Иванович.

– Замужняя?

– Да и муж у ней есть, только непутевый.

– Зашибается вином?

- Зашибается.
- Что ж, доброе дело... И тебе хорошо, да и ей ладно.
- Что ж, господин купец? Выпейте же... – прервала его Акулина. – Трифон Иваныч как мужчинского сословия угощать не умеет, а вот вас дама угостит. Пожалуйте по рюмочке... Трифон Иваныч... Пейте и вы... Вы характера смиренного, вам можно.
- Она налила две рюмки водки.
- Надо уж с хозяйшккой вкупе... – поклонился гость.
- Ну, я дамского... Я вот из бутылки, которая послабже.
- Поговорив о том, что перед праздником торговля была плоховата, гость стал уходить. Хозяин вышел провожать его в прихожую. Прощаясь с ним, гость улыбнулся и сказал:
- А важная баба она у тебя... манеристая... И из лица хоть портреты писать.
- Молода маленько. Мне надо бы постарше.
- Толкуй слепой с подлекарем! – подмигнул гость.
- Ты только, бога ради, Василий Иваныч, не подумай, чтобы здесь что-нибудь...
- Ну вот... будто я без понятиев к жизни. Не понимаю я будто, что ты человек вдовый и мужчина в соку.
- Уверяю тебя, что она сродственница, в сватовстве приходится.
- А ты капиталы-то береги... Поприпрятывай... Ведь у тебя племянники есть и племянницы. Да и себе еще понадобятся, коли Бог века продлит. Не век же ведь в лавке будешь торчать, а захочется и на покой.
- Да полно тебе... Какой ты невероятный!
- Нет, я дело говорю. Баба красивая, статная, деликатная... Подластится, да и выманит. Я ведь тебе, как соседу, советую. Двадцать восемь лет мы с тобой на одной линии торгуем, так уж, слава богу... Чего самому недомек, на то другой всегда надоумить может. Давно уж про нее у нас слух в рынке ходит, да все не верил я; и вот теперь своими глазами увидал.
- Неужто все узнали и процеживают меня?! – всплеснул руками Трифон Иваныч.
- А ты думал как? Шила в мешке не утаишь, а на чужой роток не накинешь платок. Одно могу сказать: баба важная, и вкус у тебя отменный. Сейчас видно, что губа не дура. Прощай.
- Трифон Иванович стоял, как ошалелый, и почесывал затылок. В простоте своей душевной он полагал, что об Акулине все еще шито и крыто среди его знакомых и соседей.
- Дверь из комнат в прихожую отворилась, и показалась голова Акулины.
- Трифон Иваныч, о чем он так долго разговаривал? – спрашивала она.
- А тебе какое дело! – огрызнулся Трифон Иванович. – Везде свой нос суешь, везде лезешь. Вот хоть бы и давеча тоже... при постороннем человеке... Не могла в своей комнате посидеть. Вылезла, расселась, распустила телеса... Вот-де я какая... Смотрите на меня... Вся тут на блюде... Славьте во все колокола.
- Странное дело... Я, кажется, с ним учтиво и самым деликатным манером... – обиделась Акулина. – Даже угощала и все эдакое...
- А вот эдакого-то делать и не следовало.
- Трифон Иваныч... Голубчик... Расскажите вы мне, что он обо мне говорил?
- А тебе какое дело? Что ты, в самом деле, во все дела нос суешь!
- Я хотела послушать у дверей, да вы уж очень тихо разговаривали. Скажите, не говорил он про меня, что я на новомодную даму похожа?
- Ничего не говорил. У нас свой собственный разговор промеж себя был. А только ты вот что... Вот тебе мой сказ: ты в другой раз при посторонних не лезь, а сиди в своей комнате. Ну, я теперь пойду к сестре и поздравлю ее с праздником, а через час вернусь, – закончил Трифон Иванович, надел на себя парадную, праздничную шубу и ушел из дома.

XV. Нимфа принимает визитера

– Погрызть разве орешков от скуки, – сказала сама себе Акулина, оставшись дома одна, и начала щелкать кедровые орехи, как вдруг в прихожей раздался звонок.

В прихожей чей-то мужской голос спрашивал:

– Дяденька Трифон Иваныч дома?

– Были дома, но сейчас только ушли, – отвечала кухарка Анисья, отворившая дверь. – Через час ладили опять вернуться.

– Неприятно. А я мечтал сделать болгарский переворот рюмки мадеры в рот... И никого из ваших приказчиков дома нет?

– Усидят ли они, батюшка, дома! Похватали наскоро праздничного харча, вырядились, да давай бог ноги...

Акулина приотворила дверь и выглянула в прихожую. В прихожей стоял молодой человек в ильковой шинели нараспашку и в глянцевой шляпе-цилиндре. Она улыбнулась приветливой улыбкой и сказала:

– Трифон Иваныч ушедши свою сестрицу с праздником поздравить, а вы милости просим и без него, потому я дома.

– Мерси, мадам... – поклонился молодой человек и спросил: – Только позвольте прежде опрос сделать: не вы ли та самая Акулина Степановна, о которой слухом земля полнится?

– Мы самые и есть. Прошу покорнейше выпить и закусить.

– Тре жолы и даже, можно сказать, авек плезир... Бери, старушенция, одежду и вешай! – сбросил молодой человек с себя шубу на руки Анисьи и ринулся из прихожей в комнату.

Он был во фраке, в белом галстуке, с бриллиантовыми запонками в груди сорочки, с маленькими закрученными усиками и уже заметно навеселе.

– Прежде всего, мадам, позвольте отрекомендоваться, – расшаркался он перед Акулиной, – Николай Семенов сын Куролесов... Племянник Трифона Иваныча. Я сын той самой сестрицы, к которой Трифон Иванович отправился. Прошу любить и жаловать. Сукном торгуем.

Акулина совсем сомлела от такого приема и, указывая на закуску, могла только выговорить:

– Выпить и закусить пожалуйста.

– Выпить мы выпьем, своего не упустим, это само собой, – отвечал молодой человек, – но прежде всего позвольте насладиться лицезрением прекрасной дамы. Вы дама или девица?

– Замужняя.

– Еще того лучше. Вот насчет этого происшествия у нас в рынке разные разговоры: одни говорят, что вы мадам, а другие – что мамзель... Знаете что, мадам? Дяденька Трифон Иваныч хоть и старого сорта человек, но у него вкус отменный... Это я по вашей физиономии личности сужу. Умеет выбирать дамский пол.

– Выпейте и закусите, пожалуйста, – говорила совсем смущенная Акулина.

– Нет, уж прежде позвольте на вас со всех сторон налюбоваться, – говорил племянник Трифона Ивановича и, приложив кулаки к глазам, обходил Акулину со всех сторон.

– Полноте... Что вы! Ведь это вы в насмешку... – жеманилась Акулина.

– Помилуйте, какая тут насмешка, коли я очарован. Ну, дяденька! Исполать тебе! Умеешь экономок выбирать. Или пардон... Может быть, я не так... Вы в воспитальницах?.. – задал он вопрос.

– Не понимаю даже, что вы и говорите... – отвечала Акулина, смущенно опуская глаза.

– То есть на каком вы положении у дяденьки существуете: в экономках или в воспитальницах?

– Я ни на каком положении, а так как он вдовый человек и без хозяйки, то и взяли меня в ключницы, чтобы по хозяйству... Только они меня предпочитают и приказали, чтоб и приказчики, и знакомые ихние также меня предпочитали и Акулиной Степановной звали. Да вы выпейте и закусите. Что ж вы, в самом деле?..

Племянник поклонился.

– Вот теперь, когда я насладился лицезрением вашей распрекрасной красоты, я готов и выпить, и закусить, но только с тем, чтобы и дама сердца моего дяденьки выпила со мной вместе, – отвечал он.

– Да уж дамам-то как будто и много... Ведь уж бывшее дело сегодня.

– И у меня бывшее, стало быть, два сапога пара... Прошу нацедить сосуды из ваших белых ручек.

Акулина налила, и они выпили. Племянник Трифона Ивановича, подбавив хмелю, приходил еще в больший восторг от Акулины и восклицал:

– Ай да дяденька! Утер нос даже и племяннику! Ну, Акулина Степановна, признаюсь, распрекрасная вы мадам... Первый сорт!

Акулина возносилась чуть не в облака. У ней даже дыхание сперло от похвал, и она только и твердила:

– Выпейте и закусите, пожалуйста.

– С вами ежели, то готов пить до могилы.

– Нет, уж мне-то много... Я дама... Дамы много не пьют. А вы одни выпейте.

– Разве за ваше здоровье только? Ну хорошо, извольте... За здоровье распрекрасного предмета – Акулины Степановны! – вскричал Куролесов, подняв рюмку.

– Да что вы уж так-то очень... Ведь и сглазить можно, – потупилась Акулина.

Племянник Трифона Ивановича выпил и сказал:

– Знаете, Акулина Степановна, ведь вы по своей красоте даже французинкам можете нос утереть.

– Ну уж... Что уж... Куда мне! Я и в дамы-то недавно вышла.

– Хоть и недавно, а в самую центру попали. Ай да дяденька! Вот они, старики-то! Ловко умеют откапывать. Скажите, Акулина Степановна, где он вас откопал?

– Да я уж с год у них жила, а только они меня не замечали.

– Ах, старый человек! Да разве можно такой пронзительный кусок не заметить! Вы изволили у них в услужении жить?

– Да, в услужении... А потом они меня в ключницы взяли, и вот теперь я около них.

– Стало быть, ключницей ему приходиться?

– Да, ключницей.

– Дяде ключницей... Ну а мне-то вы кто же приходиться? Ежели дяде ключницей, то племяннику тетенькой...

не родной, а все-таки тетенькой. Выпьемте, тетенька, Акулина Степановна!

– Нет, уж увольте... Нельзя мне хмельного потреблять. Я боюсь Трифона Иваныча... Они ладили скоро вернуться.

– С племянником-то выпить нельзя? С племянником-то можно.

– Нет, уж и с племянником увольте... Боюсь я их... Они заругаются. Вот кабы с ними, кабы они сами пожелали, то дело другое, потому я им потрафляю.

– Ну, не волени, так как хотите! Тогда я один. Здоровье дяденьки Трифона Иваныча, так как они успели найти такую распрекрасную красоту!

Куролесов выпил и еще более охмелел. Акулина уж тяготилась им, но он не уходил.

– Странное дело, отчего я раньше не мог вас заметить! – говорил он пьяным голосом, покачиваясь на стуле. – Я ведь ходил сюда к нему. Хоть редко, но ходил. Странно. А у меня глаз зорек... Ох как зорек!

– В настоящем теле жила, оттого и не заметили, – отвечала Акулина. – А вот теперь, когда я в белом теле...

В это время в прихожей раздался звонок.

– Это, должно быть, они... Трифон Иваныч... – проговорила Акулина, несколько смутившись.

В дверях в столовую действительно показался Трифон Иванович.

XVI. Опять сатир в тисках

– Дяденьке Трифону Иванычу особенное! – воскликнул Николай Куролесов, завидя входящего в столовую Трифон Ивановича, и вскочил из-за стола с такою стремительностью, что даже уронил на пол рюмку. – Поздравляю вас с праздником, Рождеством Христовым и желаю вам всего хорошего! – приблизился он к дяде. – Позвольте обнять вас и запечатлеть горячий поцелуй. Что вы, дяденька, щеку-то мне подставляете в сей день священный! Небось, кабы Акулина Степановна подошла, так губы бы подставили.

Трифон Иванович был совсем в замешательстве и первое время не двигался даже с места, а только спросил племянника:

– Ты чего же это тут? Ты что делаешь?

– Как что? Я с визитом... Родной племянник явился в священный день поздравить своего дядю с праздником, а вы спрашиваете, что я здесь делаю! Вот дядинские-то чувства! Нет, дяденька, я не в вас. Я вот сейчас с Акулиной Степановной проводил время в приятных разговорах и пил за ваше здоровье.

– Нечего тут и Акулине Степановне было делать. Ейное место в своей комнате. А твое дело прийти, не застать дома и уйти – вот твоя амбразура.

– Вот так раз! Вот так мерси с бонжуром! – воскликнул Куролесов. – Я со скоропалительностью всех чувств к дяде, а мне, изволите ли видеть, такой ультиматум! Акулина Степановна, слышите?

Куролесов обернулся к Акулине. Та встала из-за стола и уходила из столовой.

– Акулина Степановна! Куда же вы? Позвольте... Дяденьку нечего слушать... Это они сгоряча, – остановил Акулину Куролесов.

– Какое сгоряча! Я уж вижу их... Ведь они обидчики.

– Иди, иди с богом. Нечего тебе тут... – кивал ей Трифон Иванович.

Акулина слезливо заморгала глазами и вышла из комнаты.

– Дяденька Трифон Иваныч, позвольте... За что же вы вампира-то с женским полом разыгрываете! Эдакая, можно сказать, чудесная дама, эдакая краля, такой розан в соку, и вдруг...

– Довольно, довольно. Не доросла еще она до дамы-то.

– Помилуйте! Даже французинкам может нос утереть.

– Брось, тебе говорят! Достаточно!

– Как «брось»! Я полчаса сидел и на их красоту со всех сторон любовался. Ну, дяденька, а уж и мастер же вы выбирать женский пол! Скажите на милость, какую красоту писаную на старости лет откопали! Впрочем, ведь солидарные-то люди опытнее нас, они знают, где раки-то зимуют.

Трифон Иванович тяжело вздохнул и опустил на стул.

– Будет тебе, уймись, – говорил он, избегая смотреть племяннику в глаза, но тот не отставал от него.

– Давно ходит по рынку молва, что при вас находится в ключницах очень невредный кусок, – продолжал он, – но о такой писаной красоте я и не воображал. Верите ли, ведь я от этого происшествия даже в исступление ума вошел. Как честный человек, в умоисступление ума. Дяденька, можно мне выпить с вами за здоровье красоты Акулины Степановны?

– Не желаю... – глухо отвечал Трифон Иванович. – Так я выпить с тобой выпью, а за красоту не желаю. Да и ступай ты домой.

– Позвольте... отчего за красоту выпить не желаете?

– Да что ты пристал как банный лист! Оттого не желаю, что хозяйева за красоту своих ключниц не пьют. Ключницы не из-за красоты нанимаются.

- Ой?! Так ли?.. И Акулину Степановну приблизили к себе не из-за красоты?
- Вовсе я ее даже и не приближал.
- Дяденька! Ну зачем же туман-то на публику наводить? Ведь уж все ясно, и всякий малый ребенок понимает, в чем тут дело. Ну, выпьемте.
- Трифон Иванович выпил, чокнувшись с племянником, и через минуту спросил:
- А в рынке разве уж известно про нее?
- Да ведь шила в мешке не утаишь, – отвечал племянник. – Разговоров-то много... Приказчик ваш Андреян разгласил, которого Акулина Степановна отказала.
- Врешь! Я ему отказал, а не Акулина! – крикнул Трифон Иванович. – Разве ключницы могут отказывать?
- Ну хорошо, хорошо. Не сердитесь, дяденька, нехорошо, печенка может лопнуть. Разговоров-то, я говорю, в рынке про вашу купидонную даму много, только никто не знает, что она такой нерукотворенной красоты.
- А мать твоя ничего про нее пока не знает?
- То есть знать-то знает, а только не в этих препорциях. А только вы, дяденька, не бойтесь. Я маменьке ни гугу... Что видел – могила... Напротив того, даже буду им рассказывать, что все это вздор, пустяки...
- Ну, то-то... Ты уж, пожалуйста, не звони языком.
- Как рыба буду существовать... А только, дяденька, уговор лучше денег: уж и вы со мной в мире живите. Ведь вот в прошлый раз, когда пошел говор, что у меня эта самая повивальная бабка на Песках существовала, то как вы меня ругали по приказу маменьки! Ревизию лавки делали. А зачем? С какой стати? Так по рукам, дяденька?
- Ну тебя в болото! Что мне за дело?.. Я теперь на тебя и внимания не обращаю. Только ты молчи и не звони про меня языком, – отвечал Трифон Иванович.
- Сказал, что рыба, – рыба и будет. Выпьем, дядя, что тут! Выпьем в знак молчания. У вас Акулина, у меня Серафима – вот нас два сапога и есть. Вы дядя, я племянник, и у обоих по родственному сюжету.
- Трифона Ивановича корбило, но он выпил. Племянник был пьян и еле ворочал языком.
- Только у меня моя Серафима куда далеко от вашей Акулины! Ваша Акулина пятьдесят очков вперед моей Сарафиме может дать. Сейчас околеть, пятьдесят очков. Ну да большому кораблю большое и плавание... А я, дяденька, малый корабль, особенно при маменькиной жадности. Что урвешь – то и есть. Дяденька... Что я вам хотел сказать...
- Племянник замаялся. Дядя вскинул на него глаза и ждал.
- Дяденька... Одолжите в долг без отдачи пару радужных. Ей-ей, на Серафиму надо. Штучка она у меня новая, и ее побаловать требуется.
- Трифон Иванович вспыхнул.
- Да ты никак с ума сошел? Двести рублей. За что же это? – спросил он.
- За разное, дяденька, за разное. Во-первых, праздник... Надо же вам какой-нибудь подарок племяннику сделать... А во-вторых, за молчок насчет Акулины Степановны. Дадите двести рублей, так не только маменьку мою уверять буду, что вся эта Акулина – вздор и ничего больше, но даже и в рынке соседям вашим буду говорить, что Акулина Степановна – только ключница и ничего из себя не составляет.
- Однако, брат, ты хоть и пьян, но бестия, – покачал головой Трифон Иванович.
- Бестия, дяденька, бестия, но что же делать-то? Ничего не поделаешь, деньги уж очень нужны.
- Ну ладно, я дам, а только ты что видел, что слышал – ни-ни.
- Гроб... Могила, – ударил себя в грудь племянник.
- Трифон Иванович вынес ему из спальни двести рублей и, подавая, сказал:
- На вот... А только чтобы разговоров никаких... И иди вон.

- Уйду, уйду, дяденька. К Серафиме так прямо и поеду. Прощайте...
- Прощай! – не глядя на него, сказал Трифон Иванович.
- А с Акулиной Степановной можно проститься? – приставал племянник.
- Не требуется.
- Очень уж дама-то приятная...
- Пошел вон!
- Дяденька, что это: ревность? Вот уж не ожидал!
- Уйдешь ты или не уйдешь?
- Уйду, уйду, дяденька... Оревуар... Я еще зайду на неделе. Прощайте.

Племянник выскочил в прихожую, двинувшись плечом о косяк двери. Анисья подала ему шубу. Он сунул ей в руку два двугривенных и, придерживаясь за перила, начал спускаться с лестницы.

Трифон Иванович сидел в столовой, насупившись, и целой пятерней досадливо скоблил себе затылок.

XVII. Тиски усиливаются

– Однако что же это будет! – выговорил наконец Трифон Иванович, тяжело вздохнул, покрутил головой и, поднявшись с места, начал ходить по комнате.

Акулина сидела у себя в комнате. Он направился к ней. Двери были закрыты. Он постучался. Двери не открылись.

– Акулина! Отопри! – сказал он.

Ответа не последовало.

– Отопри, говорят тебе!

То же самое.

– Ты спишь, Акулина Степановна, что ли? – спросил он.

Вместо ответа послышались рыдания.

– Разревелась... Чего ты, дура? Ну, полно... Брось...

Рыдания усилились.

– Чем реветь зря, ты мне лучше вот что скажи: пока я уходил к сестре, был ли у нас кто-нибудь еще, кроме племянника Николашки?

– Ничего я не знаю... И оставьте вы меня, сироту, в покое! – разразилось из-за дверей. – Дайте вы мне наплакаться-то.

Трифон Иванович направился в кухню.

– Кроме этого лодыря, что сейчас ушел, был у нас кто-нибудь без меня? – спросил он у кухарки Анисьи.

– Никто, никто не был. То есть вот никогошеньки, – отвечала та.

«Ну, слава богу, все-таки огласки меньше», – подумал Трифон Иванович и, придя в столовую, прибавил уже вслух:

– Нет, какова штука! По рынку об Акулине говорят. Это все приказчики, мерзавцы, разгласили, они, подлецы. А пуще всего Андреян, которого я отказал по милости Акулины. Эх, не следовало его отказывать! – вздохнул он. – Теперь он, обозлившись, нарочно будет ходить по лавкам да разные сплетки разглашать. Сочинять будет.

Он опять отправился к дверям комнаты Акулины. Ему уже стало жалко ее. Он прислушался. Рыдания прекратились.

– Акулина Степановна! Полно тебе, матка, козыряться-то! Отопрись, пусти меня к себе, – сказал он еще раз и опять постучался.

Смолкнувшие рыдания возобновились, но дверь не отворялась.

– Чего ты? Брось. Ну стоит ли плакать! Такие у тебя хорошенькие глазки, и вдруг ты их слезами портишь, – продолжал он.

– Хороши, да не ваши, – послышалось сквозь рыдания.

– Ну зачем так?.. Зачем? К чему это?

– А к тому, что вы шелудивый старый пес.

– Это хозяина-то своего так? Отлично, хорошо, прекрасно.

– Облизьяна вы немецкая, вот, что на шарманках показывают!

– Ну, расходилась! А только ты потише. Чего на весь дом-то кричишь! Ведь кухарка может слышать.

– На двор выйду и там буду кричать, что вы черт паршивый!

Во избежание скандала Трифон Иванович отошел от дверей.

Пришли священники и прославили Христа, потом на минуту подсели к закуске. Трифон Иванович был как на иголках и все ждал, что вот-вот выскочит Акулина и начнет его ругать перед ними, но она не вышла.

По уходе священников Трифон Иванович опять подошел к комнате Акулины.

– Ну что, моя пташечка, угомонилась? – спросил он.

Молчание.

– Выходи-ка сюда, да попьем чайку вместе, – продолжал он. – Я тебя с ромцом попотчую.

– Провалитесь вы и с чаем, и с вашим ромом, леший вы эдакий!

– Будто уж и леший?

– Хуже лешего. К лешим-то молодые бабенки попадают, так они их холят да нежат, а вы давеча из-за стола с закуской выгнали и при посторонних людях. Приятно это даме?

– Ну какой он посторонний человек! Племянник... Полно! Выходи...

– Хорошо, я выйду, а коли выйду, то уж наверное чем-нибудь в головизну вам пущу: либо тарелкой, либо чем другим...

– Это в хозяина-то? Ну, не ожидал, никогда не ожидал!

Трифон Иванович удалился в столовую и с горя и досады выпил одну за другой две рюмки водки. Его ударило в жар. Он заволновался.

«Нет, Николашка-то, Николашка-то какова скотина! Двести рублей за молчание об Акулине взял, – думал он про племянника. – Взял двести рублей и говорит: „Через недельку опять зайду“. Это ведь он опять за деньгами пойдет. Ведь, пожалуй, доить меня будет? Но нет, шалишь, больше уж не дам! Довольно».

Из другой комнаты послышался голос Акулины.

– Трифон Иваныч! Подьте-ка сюда! – крикнула она.

Он со всех ног бросился на зов, но перед его носом щелкнула задвижка у дверей Акулины.

– Акулина Степановна! Что ж ты! Пусти... Я здесь, – сказал он, трогая рукой дверь.

– Хорошо, извольте, я пущу, но только прежде уговор нужно сделать. Уговор лучше денег, – отвечала она из-за двери.

– Ну, что такое? Говори!

– Коли подарите мне завтра вторую браслетку, на другую руку, то, так и быть, я уже не буду на вас сердиться и впущу вас.

– Подарю, подарю. Есть о чем разговаривать!

– Только уж я теперь хочу, чтобы с бриллиантами.

– Ну вот... Уж и с бриллиантами.

– А не хотите купить с бриллиантами, так и оставайтесь там одни.

– Куплю, куплю, отвори только.

– Побожитесь.

– Ей-богу, куплю.

– Нет, вы не так... Вы скажите: «Будь я анафема».

– Клянусь тебе, что куплю. Ну когда же я тебя обманывал?

– Ну, входите...

Акулина отворила дверь своей комнаты, Трифон Иванович вошел туда. Акулина стояла с заплаканными глазами. Он взял ее за руку и хотел что-то сказать, но вдруг послышались сзади шаги. Бежала кухарка Анисья.

– Акулина Степановна! Беги, matka, скорей в кухню! Принимай гостя! – кричала она. – Племянник твой из деревни приехал! Пантелей приехал!

У Трифона Ивановича и руки опустились. Он стоял как ошпаренный и переминался с ноги на ногу. Акулина оттолкнула его и опрометью бросилась в кухню.

XVIII. Племянник приехал

В кухне стоял Пантелей. Это был молодой, статный, белокурый мужик в поношенном нагольном полушубке, в валенках и с пестрядинной котомкой за плечами, к которой были привешены сапоги. Завидя входившую Акулину, нарядную, в шелковом платье с турнюром, одетую «по-господски», он сначала удивленно попятился, но потом поклонился в пояс и, тряхнув волосами, сказал:

– Здравствуйте, тетенька Акулина Степановна! Все ли в добром здравии?

– Ничего, живем помаленьку, – жеманно отвечала Акулина и прибавила: – Что ж, надо поцеловаться с приездом-то...

Она подошла к Пантелею. Пантелей отер рукавом полушубка губы, и они поцеловались.

– И не узнать вас, – сказал Пантелей, осматривая ее с головы до ног. – Совсем на манер купчихи стали. Наряды такие, что страсти...

– На хорошем месте живу – оттого. Когда приехал?

– Только что сейчас с машины.

– Ну что ж, разоблакайся да садись. Снимай котомку-то.

Пантелей стал снимать котомку, потом снял полушубок и остался в линючей розовой ситцевой рубашке и в жилетке, застегнутой на все пуговицы. От него так и несло запахом деревенской избы – смесью запаха дыма, полушубка и печеного хлеба.

– Садись, так гостем будешь, – промолвила Акулина. – Вот сейчас чаю напьемся. Анисья! Ставь-ка, девушка, самовар.

– Самовар-то потом куда подать прикажешь? – спрашивала Анисья. – В горнице чай пить будете или здесь, в кухне?

– А вот я сейчас у Трифона Иваныча спрошу. Ты ставь уж только, ставь...

– Я живо.

Анисья загромыкала самоваром и самоварной трубой. Акулина отправилась в комнаты.

– Трифон Иваныч, Пантелей из деревни приехал. Племянник... Вот тот самый, о котором я вам говорила, – сказала она Трифону Ивановичу.

Тот был мрачен и хмурился.

– Ну а мне-то что? – отвечал он.

– Как что? Да ведь он для вас приехал, чтобы в услужение, на место Андреяна...

– Ну, это еще там видно будет.

– Трифон Иваныч... Он у нас и остановится. Там в приказчицкой есть койка Андреяна.

Трифон Иванович промолчал. Акулине это не понравилось.

– Что ж вы как будто и не рады, – проговорила она.

– Чего ж мне радоваться-то? Ведь он не мой племянник.

– Странное дело! Я давеча вашему племяннику радовалась и угощала его, а вы моему племяннику и порадоваться не хотите.

– Лучше бы ты и моему-то племяннику не радовалась, – произнес он с неудовольствием.

– Трифон Иваныч, он и на наших харчах будет...

– Пускай ест, авось не объест.

– Вы когда же с ним рядиться будете?

– Как рядиться? Какая такая ряда? Насчет чего?

– А в приказчики-то, на место Андреяна. Ведь я его нарочно для этого выписала.

– Не годится он мне в приказчики. Мы ему другое место сыщем.

– Как же вы можете говорить, что он вам не годится, коли вы даже и не видали его?

– Не надо и видеть. Человек жил в Москве в извозчиках, а ты его в суровскую лавку в приказчики ладишь.

- Врете вы! Он, кроме того, в Москве яблоками торговал.
- А у нас в лавке такой товар, чтоб с нежными материями обращение иметь. У него и лапы-то для этого не годятся.
- Ну, уж вы наскажете! Парень он молодой, привык нет.
- Пока он будет привыкать, так всех покупательниц у меня разгонит. Ведь у нас тоже не один простой народ в лавку заходит, а и дамы бывают.
- Он и с дамами может. Нешто он дам не возил, когда в Москве в извоз-то ездил? Дамы у него и яблоки покупали.
- Трифон Иванович нахмурился еще больше и сказал:
- Не дури! Оставь... Вот что!
- Да что «оставь»! Я беспременно хочу, чтобы он у нас в приказчиках жил.
- Мы ему другое место найдем.
- А я не хочу другого места. Я хочу, чтобы он у нас жил. Что это, в самом деле, с утра как начали, так целый день все обижают меня!
- Она заморгала глазами и приготовилась плакать. Трифон Иванович опешил.
- Ну, полно, полно... Довольно... Будет... Ведь еще не сейчас его в приказчики брать... Об этом мы еще поговорим.
- Нет, надо сегодня уговор сделать. А сейчас пока вы хоть посмотрите его. Он парень расторопный, грамотный. Сем-ка я его сейчас сюда позову да чайком попою, а вы посмотрите.
- Она направилась в кухню.
- Зачем же сюда-то? – остановил ее Трифон Иванович. – Можно в кухне?
- А то как же? Ведь и я с ним вместе чай пить буду. Неужто и мне в кухне?
- Трифон Иванович махнул рукой и отвернулся.
- Ты все-таки скажи ему, чтобы он ноги обтер, а то наследит еще у нас здесь в горницах... – пробормотал он.
- Ну вот... Учите еще... Я сама теперь дама, так уж, слава богу, понимаю, – отвечала Акулина. – Он из валенок в сапоги переоденется. У него и одежда есть суконная. Ну так я приведу его сюда, – обернулась она лицом к Трифону Ивановичу, улыбнулась ласковой улыбкой и спросила: – Можно?
- Трифон Иванович хотел сказать «нельзя», но улыбка Акулины была так приветлива, так добродушно-приятна, что он вздохнул и отвечал:
- Ну что ж, веди... Но это только ради праздника... Ты знаешь, что у нас приказчики и все прочие наши прислужающие харчуются и чай пьют в приказчицкой.
- Ну, хоть для праздника.
- Она двинулась в кухню, но опять остановилась.
- А можно его для праздника вином и закуской угостить? – спросила она.
- Трифон Иванович подумал и отвечал:
- Пусть пьет, но только чтобы не напился.
- Зачем же ему напиваться-то? Он парень трезвый. Вот вы его как только увидите сейчас, то так будете предпочитать, что больше старшего приказчика.
- Ну, это уж дудки... Много чести.
- Как «много чести»? Да ведь мой племянник, мой сродственник.
- Так что ж из этого?
- Ну ничего, благодарю покорно. И на том спасибо. Больше-то, верно, я не заслужила?
- Ну ладно, я сама вам припомню.
- Иди, иди... Полно тебе привязываться-то!
- Да что «привязываться»! Я даже думала так, что вы радостно его встретите, сами его угощать начнете и сами с ним рюмку-другую вина выпьете.
- Иди, иди...

Акулина удалилась в кухню.

Через пять минут Анисья внесла в столовую самовар, а спустя некоторое время явился и Пантелей. Акулина ввела его за руку. Он был переодевшись из валенок в сапоги. На нем был синий кафтан со сборками назад, на шее красовался желтый фуляр. В руке он держал связку сушеных грибов. Войдя в столовую, он взглянул в угол и начал креститься на образа.

XIX. Нимфа, сатир и пастушок

– Вот он, Трифон Иваныч... Пантелей-то этот самый... – говорила Акулина, указывая на племянника, когда тот перестал креститься на иконы. – Ну, кланяйся хозяину-то, – обратилась она к племяннику. – Кланяйся и поздравь с праздником.

– С праздником, господин хозяин. Дай вам Бог... – пробормотал Пантелей и низко поклонился Трифону Ивановичу.

Трифон Иванович еле ответил легким кивком на поклон и смотрел исподлюбья. Пантелей переминался с ноги на ногу.

– Ну, кланяйся еще раз да подноси хозяину деревенского-то гостинца, – продолжала Акулина. – Скажи: «Пожалуйте, мол, от чистого сердца...»

Пантелей еще раз поклонился, протянул к Трифону Ивановичу связку сушеных грибов, которую держал в руке, и сказал:

– Вот-с... Деревенского гостинца... от чистого сердца...

Трифон Иванович связку грибов от Пантелея не взял в руки, но кивнул и проговорил:

– Положи на стол. Потом приберут...

– Присаживайся к столу-то. В праздники у нас и при хозяевых сидят, – толкнула Акулина Пантелея в спину. – Вот, чайку попьем...

Робко озираясь по сторонам, Пантелей сел. Акулина поместилась около самовара...

– Может, винца перед чаем-то выпьешь? – спросила она Пантелея. – В праздник у нас можно... Хозяин добрый... Он допускает... Не любит только, чтоб на стороне пили, а при евонных глазах пей. Правильно ведь я, Трифон Иваныч?

Трифон Иванович промолчал.

– Пей, пей... – продолжала Акулина и налила племяннику большую рюмку водки. – Пей... Уж ежели хозяин не препятствует, то, значит, можно. Трифон Иваныч у нас всегда такие слова говорит: пей за столом, а не пей за столбом.

– Мы вообще по малости... Малодушием не занимаемся, – пробормотал Пантелей, перекрестился, взял рюмку, сказал: – С праздником, – и выпил, утерши губы рукавом кафтана.

– Ну а теперь закуси...

Пантелей протянул руку к тарелке с селедкой и, взяв пальцами кусок, положил его себе в рот, а пальцы обтер об голову.

– Ты зачем же руками-то? Коли ты при хозяйине, ты должен учтивость соблюдать и вилкой брать, – заметила ему Акулина. – На то вилки положены на стол. Жуй еще... Вон там ветчина есть... колбаска... Только уж ты вилкой... – прибавила она.

– Не... не надо... Довольно.

Пантелей махнул рукой.

– Может быть, еще винца хочешь? – спрашивала его Акулина.

– С тобой ежели, за компанию.

– Трифон Иванович, я выпью... Пейте и вы...

Трифон Иванович отрицательно потряс головой и отвернулся.

– Да полно вам кикиморой-то смотреть! Выпейте... Выпейте хоть со мной... – приставала к нему Акулина. – Ведь даве звали же меня выпить... Ну, я вам налью, а вы выпьете...

Она взглянула в его сторону такими веселыми глазами, так ласково кивнула, сделав это, впрочем, украдкой от Пантелея, что Трифон Иваныч не выдержал и взялся за рюмку.

– Ну, кушайте... Будьте здоровы. Вам даже хорошо выпить... Через это печенка успокаивается... А то вы все злитесь. Вот и я выпью за ваше здоровье... Пей, Пантелей, пей... Хозяин ничего... хозяин у нас добрый, а только вид у них такой грозный да сердитый.

Он выпил. Акулина начала наливать чай. Трифон Иванович не садился, ходил из угла в угол по комнате и косился на Пантелея.

– Трифон Иваныч, вы что ж не садитесь-то? – обратилась Акулина к нему. – Нельзя же так, на дыбах... А то словно бельмо на глазу... Садитесь и вы...

– Я потом... – упрямылся Трифон Иванович.

– Нельзя и разговаривать, коли перед тобой маются из стороны в сторону. Садитесь... Полно вам... – бормотала Акулина.

Трифон Иванович сделал еще несколько шагов по комнате и сел, взявшись за стакан. Пантелей давно уже звонко схлебывал чай с блюдечка.

Акулина тоже пила и тараторила:

– У нас харчи хорошие... Ты, Пантелеюшка, доволен останешься. Я при доме на манер хозяйки, потому хозяин у нас вдовый, стало быть, коли ежели что, всегда мне скажешь... Да уж доволен будешь, только хозяина предпочитай... Хозяина предпочитай и меня предпочитай, потому наш хозяин любит, кто меня предпочитает. Вон наш хозяин все сумлевется, что ты не сумеешь в лавке покупателям потрафить. А ты потрафляй... Хорошенько потрафляй... Ты приглядывайся, как другие делают... Как другие, так и ты... Потом нужно у нас, чтоб чисто одемшись... У тебя одежда-то есть ли?

– Да вот на мне... – отвечал Пантелей.

– Ну, это армяк, а нам нужен спиньжак... Да ничего... Хозяин тебе купит спиньжак и жилетку, а там ты заживешь эти деньги. Жалованье у нас верное, хозяин не ужиливает.

Трифон Иванович слушал, вздохнул и хотел что-то сказать, но Акулина его перебила:

– А насчет жалованья хозяин тебя не обидит, только старайся потрафить. Сколько, Трифон Иваныч, у нас Андреян-то получал?

– Да ему на Андреяново место нельзя... Я лучше его в дом в дворники... – проговорил наконец Трифон Иванович.

– Нет, нет... В дворники я не желаю. Я для того и отписала ему в деревню, чтобы он в приказчики приехал и при нас жил. Пусть на глазах существует. А в дворниках что такое? В дворниках он сейчас и избалуется. Жалованье тебе, Пантелей, на первых порах пятнадцать рублей в месяц, а там чего стоить будешь.

– Да нельзя же, Акулина Степановна... – заметил Трифон Иванович.

– Отчего нельзя? Все можно... Полноте вам... Ну, благодари, Пантелей, хозяина. Встань, поклонись и поблагодари...

Пантелей встал и поклонился. Трифон Иванович насутился и отвернулся.

– Вы чего надулись-то как мышь на крупу? – продолжала Акулина. – Вы думаете, что он не обрыкавшись-то?.. Так обрыкается... Вот ведь у нас нельзя, чтоб селедки руками брать, потому руки должны чтоб всегда были чистые, – обратилась она к Пантелею. – В лавке у нас товар нежный, так нужно, чтобы его не замарать.

– Это можно... – пробормотал Пантелей.

– Опять же, коли ежели поемши, то чтоб об голову руки не отирать, потому через это дух... Сморгаться у нас также в платок надо.

– Это все возможно... Мы политику-то знаем.

– А знаешь, так и потрафляй... Ну, выпей еще винца... Хозяин ничего... Хозяин дозволит. Вот, рябиновая есть. Пей... И я выпью... Пейте и вы, Трифон Иваныч.

Выпили.

– А уж как он на гармонии лих играть, Трифон Иваныч, так просто удивительно! – продолжала Акулина. – Ты гармонию-то привез ли, Пантелеюшка?

– Привез. В котомке лежит.

– Ну, вот и хорошо. Потом ты нас потешишь, для праздника сыграешь. Выпьемте еще... Чего тут? Ноне праздник... Да и племянник приехал.

Трифон Иванович не возражал и уже первый выпил. Пантелей ободрялся все более и более, по мере того как ему ударяло в голову. Акулина тоже покраснелась от выпитого вина.

Кончилось тем, что через час Пантелей, сняв с себя кафтан, играл на гармонии и пел. Акулина, приложив руку к щеке, тоже пела. Пели что-то грустное. Трифон Иванович сидел поодаль, клевал носом и слезливо моргал глазами. Кухарка Анисья тоже выпила для праздника.

Она стояла у дверной притолоки, слушала пение и почему-то заливалась горячими слезами.

XX. На другой день

На другой день Рождества Трифон Иванович проснулся с головной болью. Вчерашняя вечерняя пирушка с Акулиной и Пантелеем дала себя знать. Он вышел в столовую. Часы показывали девять. Акулина была уже вставши и заваривала чай около самовара. Трифон Иванович посмотрел на разрушенную закуску и на опорожненные бутылки и покачал головой.

– Однако мы вчера того... Изрядно... – проговорил он. – И дернула меня нелегкая пить!

– Ну вот... В кои-то веки! – отвечала Акулина. – К тому же вчера был большой праздник.

Уж коли в эдакий праздник не выпить, то когда же и пить!

– С вами-то мне не следовало связываться.

– А что ж мы за паршивые такие, что с нами не следовало?

– Я про Пантелея... Человек на место приехал наниматься, а хозяин вдруг с ним пить вздумал! Эво сколько высосали! – кивнул он на бутылки.

– Да нешто это мы одни? Мы по малости... А тут и которые ежели приходящие пили... Тут и Анисья после нас охулки на руку не положила. Ночью приказчики, вернувшись с гулянки, заглядывали и, поди, тоже выпили. Так ведь всю ночь на виду бутылки и стояли.

– Приказчики сюда по ночам не входят.

– Не входят, да вошли. Ведь вы нешто могли слышать? Ведь вы были без задних ног. Мы вас вчера с Пантелеем под руки взяли, свели в спальню, раздели и на постель уложили.

– Ну вот... что ты мелешь!

– А вы нешто ничего и не помните? Хороши же вы были! Ну, да и то сказать: ведь вы старенький, годы уж ваши такие...

Трифона Ивановича так и покорило от этих слов. Он вспомнил, что действительно вчера сильно напился в компании Акулины и ее племянника. Ему сделалось совестно. Акулина между тем продолжала:

– А только и блажной вы во хмелю... Ужаси, какой блажной! Да и ревнивый. Вдруг ни с того ни с сего к Пантелею приревновали. Он меня по спине погладил ласковым манером, а вы сейчас ругаться...

– Не гладь другой раз... – отрывисто отвечал Трифон Иванович. – Ведь ты из себя хозяйку разыгрываешь, хочешь, чтобы тебя почитали, как хозяйку, а где ж это видано, чтоб прислужающие люди по спине хозяйку гладили.

– Да ведь он племянник.

– Ну, это еще вилами писано, племянник ли он. Ты мне прежде паспорт его покажи.

– Что ж, он покажет, что ж, он не беспаспортный. А только все-таки так ругаться не следовало, потому только он всего и сделал, что обхватил меня да пощекотал два раза по спине... Ну а я щекотки боюсь и завизжала. Ведь вы даже драться лезли. Попомните-ка.

– Башку даже прошибу, вот что я сделаю, коли во второй раз такое-эдакое случится. Что под рукой у меня будет, тем и прошибу. Да еще мало того, вон выгоню. Пускай убирается ко всем чертям! – горячился Трифон Иванович.

– Хвалитесь, хвалитесь! Вы озорник известный! Вас зависть берет, коли молодая бабеночка поиграть вздумала.

Сами вы сидите кикиморой и дуетесь как мышь на крупу, а с другим и поиграть не позволяете.

– Не модель.

– Да ведь коли бы я без вас, а то при вас.

– Все равно не модель. Да ты ему и сегодня скажи: коли ежели он что – я его сейчас в шею.

– Нападайте, нападайте на незащитную сироту на чужой стороне. И так уж его сегодня ночью приказчики поколотили, так что вот он вам на них жалиться хочет.

– А ты уж с ним сегодня утром успела повидаться? – ядовито спросил Трифон Иванович.
– Знамо дело, сегодня утром умывалась в кухне под краном, так виделась. Да и ночью...
– Что ночью? – вскричал Трифон Иванович и сжал кулаки.
– Ну чего вы петушитесь-то! – улыбнулась Акулина. – И ночью вставала, когда драка-то вышла. Ведь я не каменная... Тут такое буянство по всей квартире было, что упаси боже... Мертвого так подняли бы...

– Отчего же я-то ничего не слыхал?

– Оттого что очень сильно выпимши спать легли.

– Что за вздор ты городишь!

– А то как же?.. Мы даже очень удивлялись, что вы ничего не слышите, потому весь дом на ногах был.

Трифон Иванович не знал, куда и глаза деть. Он сидел за столом потупившись и мешал чайной ложкой в стакане. Акулина продолжала:

– Ведь тут словно на пожаре крик-то был. Вернулись приказчики домой с гулянки пьяные и видят, что неизвестный человек у них на койке спит. Чем бы у кухарки спросить, что, мол, это за парень такой, а они его за вора приняли да давай бить и вон гнать. Говорю им, что это, мол, наш новый приказчик, племянник мой, а они не верят... Старший приказчик бросился к вам, чтобы вас будить, – не знаю только, почему вы не встали.

– Что ты говоришь! – воскликнул Трифон Иванович, и его ударило в пот.

Он поднялся с места и, заложа руки за спину, в волнении начал ходить по комнате. То обстоятельство, что вот он, солидный человек, уважаемое лицо во всем доме, и вдруг увлекся до того, что напился в компании с приезжим деревенским парнем, так и грызло его.

Вошел старший приказчик, чтобы взять ключи и идти отворять лавку. Поклонившись хозяину, он сказал:

– А только вы, Трифон Иваныч, будьте добры, извольте сказать этому новому... Пантелей он, что ли... Бахвалится, что вы его в приказчики в лавку взяли... Чтобы он таких поступков не делал. Прихожу я вчера тихо и благообразно домой – вдруг на моей кровати мертвое тело неизвестного звания мужчины... Я его будить, чтобы он опростал мое место, а он как вскочит да по уху... Помилуйте, что ж это такое?.. Ведь он мне физиономию исцарапал.

– Да ведь ты сам, Алексеюшка, хмельной пришел, ты сам его колотить начал... – ввязалась Акулина.

– Я хмельной? Нет, уж позвольте!.. – воскликнул старший приказчик. – Я был чище голубицы. А он даже трубкой наволочку мне прожег. И трубка на постели около валялась. А наволочка семь гривен стоит.

– Да уж ладно, ладно... – замахал руками Трифон Иванович, чтобы прервать разговор. – Бери ключи и иди в лавку.

– А все-таки вы насчет бунтов ему скажите, потому ежели и напредки такие кораблекрушения по ночам, то какой же пример будет другим приказчикам!

– Вот тебе ключи и иди в лавку.

– И лодырю этому прикажете в лавку идти? Ведь вы его изволили в приказчики взять, – не унимался старший приказчик.

– Нет, нет... Пускай покуда дома сидит. Об этом еще надо подумать. Я с тобой сегодня вечером посоветуюсь. Ступай.

Приказчик поклонился и вышел из столовой. Трифон Иванович схватился за голову.

– Ах, как нехорошо все это вышло! – прошептал он. – А все из-за вас, из-за чертей! – злобно взглянул он на Акулину. – И чего мы все словно с цепи сорвались!

– Ну, ничего... Праздник... Обойдется все, и малина будет, – отвечала та.

– Перед своими-то совестно... Глаза бы не глядели.

– Да полноте... Бросьте...

В дверях показалась всклокоченная голова Пантелея. Он был в ситцевой рубахе и босиком. Лицо его было опухши.

– А я, хозяин, к вам с жалобой на ваших молодцов. Эво какой синяк мне сегодня ночью под глаз насадили! – начал он. – Нешто это возможно? Ведь это безобразие.

– Вон! – заорал на него Трифон Иванович. – Как ты смеешь лезть без спросу в хозяйские горницы!

Акулина тоже замахала Пантелею рукой, чтобы он уходил. Пантелей повел недоумевающе глазами и скрылся.

– Ну, оказия! – прошептал Трифон Иванович, опустился на стул, облокотился на стол и подпер руками опущенную голову. К нему приблизилась Акулина, обняла его и тихим, вкрадчивым голосом произнесла:

– Головка со вчерашнего болит у вас, голубчик? Поправиться надо – вот оно сейчас и полегчает. Сем-ко я вам рюмочку поднесу. Рюмочка не повредит. Рюмочка сейчас и печенку очистит, и в голову с приятством вдарит.

Она налила рюмку водки и поднесла Трифону Ивановичу. Трифон Иванович выпил.

XXI. Нимфа ставит на своем

На второй день рождественских праздников Трифон Иванович обедал дома, вместе с Акулиной. Акулина пробовала было сделать так, чтобы и Пантелей обедал вместе с ними, но Трифон Иванович наотрез отказался.

– Прислужающему – и прислужающая честь. Ты знаешь, у меня не заведено, чтобы прислужающие вместе с хозяином обедали, – сказал он Акулине. – Хочешь, чтобы он жил на приказчицкий манер, пусть пока живет, нет – поворот от ворот.

Акулина не настаивала и только спросила:

– А отчего вы говорите «пока»?

– А оттого, что есть у меня воображение дворником его в доме сделать, и тогда он будет на дворничком положении.

– Нет, нет, я не хочу дворником... Я хочу, чтобы он был чисто одет и на купеческий манер ходил. А то что это такое: тетка в дамы вышла, а племянник на сером положении. Нет, нет, нешто можно даме с дворником якшаться?

– А зачем же тебе с ним якшаться-то? – подозрительно задал вопрос Трифон Иванович.

– Как зачем? Кровь... Ведь он кровная родня... Кровь-то свою из горницы не выгонишь. Ино придется и чайком попоить у себя в горнице.

– Да ведь и на приказчицком положении он будет, так все равно будет чай пить с приказчиками, а не с нами.

– Да я про вас и не говорю. Может быть, я вздумаю подчас у себя в горнице его чайком попоить. Ведь кровный племянник.

– Да племянник ли? – протянул Трифон Иванович.

– Ну вот! Опять ревность! Экий вы какой невероятный человек!

– А вот пусть прежде паспорт покажет. Коли вы с ним одной фамилии, то, значит, племянник.

– Что ж, смотрите и паспорт... – пробормотала Акулина и слезливо заморгала глазами. – Ведь какой вы обидчик, право. Ничему не веруете... Неужто уж я столько-то не заслужила?

– Кто тебе говорит, что не заслужила! А мне, как хозяину, все равно от него паспорт отобрать следует. Ведь прописать парня надо... Он чей племянник-то: с твоей стороны или со стороны мужа?

– Да что вы, как становой на мертвом теле, меня спрашиваете! – раздраженно сказала Акулина.

– Да ведь я его в люди к себе беру, так должен же я спросить.

– Вы вон и Анисью брали в люди, да так не спрашивали.

– Да что у тебя язык-то переломится, ежели ты скажешь мне, с чьей стороны он племянник, – с твоей или с мужниной.

– Знамо дело, с моей... Мой племянник. Сестрин сын.

– Ну а сестрин сын, так и по паспорту его догадаться нельзя, племянник он тебе или нет.

Акулина сердито отодвинула от себя тарелку. Трифон Иванович молчал и соображал. «Нет, в дворники Пантелея не след брать, – мелькало у него в голове. – Будет жить в дворниках, так ежеминутно может быть при ней. Он при доме, и она при доме, а я целый день в лавке. Без меня они тут и невесть каких вертунов в квартире наделять могут. Лучше же уж я возьму его в приказчики; по крайности, он тогда у меня целые дни на глазах будет. Я в лавке, и он в лавке. А потом, коли к делу будет негоден, то можно ему и другое место найти».

– Ну ладно, так и быть... Возьму уж я твоего Пантелея в лавочные приказчики, – сказал он вслух.

– Голубчик вы мой! – улыбнулась в ответ Акулина. – Я ведь знаю, что вы добренький, что вы всегда меня слушаете. Только, Трифон Иваныч, ему одежду настоящую надо... Чтобы спинжак, брюки и все эдакое...

– Да уж ладно, ладно, купим, а потом он заживет эти деньги.

– Позвать его сейчас сюда? – встрепелась Акулина.

– Зачем же призывать-то? Бога ради, чтобы он как можно меньше тутотка мотался.

– Я думала, что вы ему свое решение скажете.

– Сама скажешь.

Обед кончился. Трифон Иванович, по заведенному порядку, прилег соснуть часок-другой. Пока он засыпал, Акулина сидела около его постели и говорила:

– Ведь вот как я вас люблю-то: приехал племянник, виделся с мужем моим, а я его еще и об муже не успела хорошенько порасспросить. А вы этого не цените.

– Ну что тебе теперь муж! Муж – уж такой товар, что, можно сказать, третий сорт, – бормотал в ответ Трифон Иванович и стал уже всхрапывать.

– Ну, не скажите... Вот ведь уж скоро паспорту моему срок... Вышлет ли еще паспорт-то?

– Отчего же не выслать? Ведь высылал же раньше.

– А вдруг слухи дошли. Сюда ведь ко мне и земляки наши приходили, так могли и передать мужу, что вот, мол, так и так жена твоя законная... А за укусное поведение он всегда может жену к себе потребовать, чтоб проучить.

Трифон Иванович не слышал этих слов. Он уже спал. Акулина посмотрела на него и, улыбнувшись, отошла прочь.

Через два часа, когда Трифон Иванович отправлялся к себе в лавку, то Акулина провожала его на лестнице и кричала ему вслед:

– Не забудьте Пантелею спинжак-то купить! Смотрите, сегодня купите.

– Да уж ладно, ладно.

– И картуз хороший.

– Хорошо, хорошо.

– И пальто приказчицкое или чуйку, а то у него окромя нагольного полушубка ничего нет.

– Присылай его вечером в лавку. Старший приказчик купит. Ведь надо тоже примерить.

– Вы всю одежду ему купите. Надо и рубашку крахмальную.

– Купят, купят.

– И платки носовые! А то как же ему без платков?

Трифон Иванович не отвечал.

– Да не забудьте и мне обещанное! Вы вчера меня разобидели и потом в утешение обещались браслетку с бриллиантами купить. Вы даже побожились, что купите. Так непременно купите. Сегодня купите. Да захватите клюквенной пастилы для меня.

Этих слов Трифон Иванович даже уже и не слышал. Акулина постояла еще на лестнице, потом вошла в квартиру и послала кухарку Анисью за своей наперсницей, полковницкой горничной Катериной.

XXII. В науке у наперсницы

Полковницкая горничная Катерина сидела с Акулиной в столовой за кофеепитием и тараторила без умолку. Кроме принадлежностей кофеепития стояла бутылка вишневой наливки и помещалась тарелка с мятными пряниками и орехами. Сама Акулина, как относительно недавно еще явившаяся из деревни, не успела пристраститься к кофею, хотя и прожила на местах в кухарках около двух лет. Кофею она предпочитала чай и в настоящее время жевала мятные пряники, тогда как наперсница ее Катерина охлащивала уже четвертую чашку кофею.

– И прежде всего, милушка ты моя, ты его береби... Береби, сколько можешь... – говорила Катерина Акулине. – Уж ежели тебе такое счастье выпало – береби его.

– Ну?! – протянула Акулина.

– Я тебе говорю, береби. Отдыху не давай и береби. Ну, суди сама: человек он старый, немощный... Умрет он, так что тебе останется? Ведь племянники евоные тебя, как последнюю шлюху, из дома выгонят.

– Зачем же гнать-то? Я и сама уйду.

– А уйдешь, так с чем ты останешься?

– Как с чем? Шубу свою уведу, три платья матерчатые, браслетку.

– Шуба да браслетка с платьями! – всплеснула руками Катерина. – Ну и вижу я, что ты совсем дура деревенская!

– Зачем же деревенская?... – обиделась Акулина. – Я в дамы вышла.

– А кто в дамы вышел, тот так не рассуждает. Ах, простота, простота! Совсем, посмотрю я на тебя, ты простота. Ну, что значат шуба и матерчатые платья с браслеткой? На много ли они тебе хватят? А ведь ты привыкла уж жить по-дамски.

– Совсем привыкла, – согласилась Акулина.

– Ну, вот видишь. А на шубу с платьями ты больше трех месяцев по-дамски и не проживешь, ежели их продать.

– А зачем же продавать-то? Я щеголять хочу.

– Так ведь надо пить, есть, кофеишку грешного купить, горенку нанять, – доказывала Катерина.

– Так, так... Это чтобы на место опять не идти. Поняла, – сказала Акулина.

– Ну, то-то. Ведь на месте, при черной работе, после такой дамской жизни ты не уживешься!

– Не уживусь, не уживусь, милушка... Где тут уживься.

– Ну, стало быть, и должна ты своего Трифона Иваныча беребить насчет денег и разных вещей.

– Да как же мне его беребить-то? Я уж и так, кажется...

– Что это за беребление, помилуй, матка! Ты видишь, старик в тебя, как кот в марте месяце, влюблен.

– Влюблен, влюблен... И ревнует, Катеринушка, как!

– Ну так вот ты и должна пользоваться. Куй железо, пока горячо. Ты должна каждый день у него просить что-нибудь.

– Да я уж и то... Вот сегодня браслетку... Вчера у него супротив меня провинность была, и обещал он мне браслетку с бриллиантами, чтоб помириться, а сегодня я пристала к нему, чтобы он мне браслетку бесприменно принес.

– Что браслетка! Ты денег требуй... Требуй, чтоб он тебе каждый месяц сто рублей...

– Сто рублей! Экую штукухватила! Он не даст столько. И так уж он шубу...

– Ты опять про шубу... Шуба шубой... К весне бархатное пальто должен сшить. Это все само собой... А кроме того, денег требуй... Небось даст и больше ста рублей в месяц, ежели сумеешь приступить.

– А как же приступить-то?

– Поступай по-дамски – вот и шабаш.

– А как же по-дамски-то?

– По-дамски ежели поступать, так на это есть невры.

– Невры? А что это такое невры?

– Болезнь такая. То есть не то чтобы болезнь, а такое-эдакое расстройство невров... Мужчины этого смерть боятся, особенно старики.

– Так как же я на себя болезни-то буду накликасть?

– Ты и не будешь накликасть, а просто делай перед ним вид, что у тебя расстроены... Нравственность свою покажи, характер...

– А как же это показать-то? – заинтересовалась Акулина. – Ты уж расскажи, Катериношка.

– Очень просто. Показывай во всем свой каприз, да и кончено. Как Трифон Иванович тебе в чем-нибудь не потрафил или не уважил насчет того, чего ты просишь, – ну, сейчас и пушай невры... Каприз то есть. Он, к примеру, весел и хочет с тобою шутки шутить, а ты сейчас в слезы...

– Это-то я вчерась уж и то делала.

– Ну, вот это невры и есть.

– Невры, невры... Дай запомнить. Слово-то такое мудреное...

– Ничего тут нет мудреного. Слово самое простое и круглое. Невры... Его нынче каждая дама знает. Так вот, слезы... А нет, упади в обморок и лежи без движенъев – это тоже невры...

– То есть как – в обморок? – переспросила Акулина.

– Неужто не знаешь, что такое обморок? – удивилась Катерина. – Ах, простота, простота! А еще в новомодные дамы лезешь!

– Да я уж потрафлю, потрафлю, ты только расскажи.

– Ты вот, к примеру, у него чего-нибудь просишь, а он не соглашается – сейчас ты и упади в обморок, то есть сделай вид, что у тебя на манер как бы родимчик... Ну и лежи без движения.

– Поняла, поняла.

– Ну, то-то... Лежи без движенъев – и шабаш. А подойдет он к тебе, чтобы привести тебя в чувство, – ты его сейчас бац по роже.

– Рукой?

– Можешь рукой, а то так и ногой. А уж после этого начинай кликать. Видала, как деревенские бабы кликают? Вот и ты так же кликай.

– Так ведь те порченые.

– А ты хоть и непорченная, да кликай. Притворись и кликай... Кричи не своим голосом, плачь, мечись, разметывайся, визжи, а то и смейся эдаким диким голосом. А подойдет – опять смажь его рукой или ногой, вот он и будет всего этого бояться и уж напередки ни в чем тебе не откажет, чего бы ты ни спросила.

– Будто?

– А вот попробуй... Ни за что не откажет, только чтобы этих невров не случилось с тобой.

– Непременно попробую, – улыбнулась Акулина.

– А то еще мигрень... – продолжала Катерина.

– А это что за штука?

– Тоже болезнь. Головная боль, и тоже такая, что уж тут мужчина не подступайся.

– Также притвориться надо?

– Само собой. Не можешь же ты быть каждую минуту больна, когда тебе что требуется. Ты вот, к примеру, просишь у него часов золотых с цепочкой. Ведь часов-то у тебя нет. Ну, попросила золотые часы с цепочкой, а он не дает – сейчас мигрень. Он к тебе подходит, а ты его отпихивай, точи, гложи, ешь поедом, а не помогло – катай невры; смотришь – часы-то у тебя уж и есть, – рассказывала Катерина и прибавила: – И, душечка, на все на это я уж столько насмотрелась, по местам-то у барынь живши, что просто ужаси! И никогда заряд даром у барынь не пропадает. Всегда с успехом.

– Попробую, непременно попробую... – улыбалась Акулина.

– Ты уже ежели пробовать, то прямо пробуй насчет ста рублей в месяц. Так и скажи ему: желаю, мол, сто рублей в месяц...

– Часы-то мне пуще надо.

– И часы будут. После ста рублей сделай ловкую передышку дня на три или четыре и опять новые невры начнешь насчет часов. Ты много ли от хозяйства-то у него наживаешь?

– Да что вот, в месяц, пожалуй, и двадцати пяти рублей не очистилось.

– Двадцать пять! Да что это за деньги, мать, коли ты у него на положении крали сердца живешь! Ты и здесь береби. Береби рублей пятьдесят в месяц да понемножку капитал и скопировывай. Скопировала сто рублей – сейчас билет процентный покупай и билет в чулок на сохранение, да там и держи. Вот тебе и будет на черный день.

– Верно, верно, Катеринушка... Ведь это только я такая дура, что ничего этого не понимаю, – согласилась Акулина.

– А не понимаю, так учиться надо. Вот я тебя и учу. Да тебе еще много чему надо научиться... Хорошо еще, что Бог тебя со мной-то свел, – сказала Катерина и, взглянув на бутылку, прибавила: – Ты ведь кофейку-то мало потребляешь, так выпьем наливочки.

Акулина и Катерина выпили.

XXIII. Лекция продолжается

Выпив рюмку наливки, Акулина подседа поближе к Катерине, обняла ее и сказала:

– Рассказывай, Катеринушка, рассказывай еще, как мне быть с Трифоном Иванычем. Ты такая умная да сведущая, все знаешь, как и что, а я ведь дура и ничего этого не знаю, то есть ничегошеньки.

– Напирай на невры, как я сказала, вот и все, – отвечала Катерина. – С неврами все сделаешь. С неврами он у тебя шелковый будет, и тогда ты из него хоть веревки вей.

Акулина слушала и улыбалась во всю ширину лица. «Невры» ей очень понравились.

– Так ты говоришь, первым делом пустить невры и денег требовать? – спросила она.

– Денег, денег... Сто рублей в месяц. Мне-де обшиться надо, бельишко кой-какое себе сделать. Ведь у тебя хорошего, тонкого белья нет. Какая же это дама, коли без тонкого белья! У тебя вон рубахи-то из грубого деревенского полотна... Я ведь видела. А нешто это можно для дамы? Надо из тонкого голландского и с кружевами, с прошивками.

– Действительно, у меня рубахи-то из сестрина полотна. Сестра Василиса сама в деревне ткала.

– Ну, вот видишь... А в таких-то рубахах ты настоящей даме будешь и не под кадрель. Потом юбки тебе надо, потом пеньюар надо.

– Как ты сказала?

– Пенюар.

– А это что такое – пеньюар?

– Капот такой распашной, в котором ты можешь без стеснения по утрам быть. Ты вот теперь вся на застежках, и тебе тягостно, а тогда будет у тебя все врознь... И пеньюаров надо три: два летних с кружевами и один зимний из какого-нибудь кашемиру, а то из шали...

– А ты, милушка, расскажи портнихе какие мне пенуары надо, – упрасивала Акулина. – Я портниху призову, а ты и расскажи.

– Да, конечно же, расскажу.

– Ну, то-то... А я тебе за это хорошенькой материцы на платье у Трифона Ивановича вымотаю. Пенуары-то эти, поди, дорого будут стоить?

– Какие закажешь, из какой материи.

– Нет, я к тому, что, может быть, они дорого стоят, так что сто рублей, которые я от Трифона Ивановича через невры получу...

– Да зачем тебе будет сто-то рублей тратить? Ты просто скажи, чтобы портниха подала Трифону Ивановичу счет... А сто рублей не тронь, сто рублей в чулок.

– Кроме ста рублей? Милушка, да он не заплатит.

– Невры... С неврами все заплатит.

– Да неужто?!

– А вот попробуй. Ты дура и при своей красоте силы своей не понимаешь. Деньги ты должна прятать на черный день. Ну вдруг он у тебя умирает? Вот ты и с деньгами. Вы тогда с мужем на эти деньги и кабак в деревне открыть можете, и трактир, и постоянный двор.

– Нет, нет, милушка, с мужем я не хочу... Муж отнимет и прогуляет.

– Ну, про себя деньги береги. Да я бы еще и не то на твоём месте сделала, – сказала Катерина.

– А что такое? Скажи, милушка... – заинтересовалась Акулина.

– А то, что когда ты от Трифона Ивановича хорошенько пооперишься по мелочам, то прямо приступай к нему насчет дома...

– Насчет какого дома?

– Насчет дома на Петербургской стороне или на Выборгской...

– То есть как это?

– Очень просто: чтоб купил на твое имя дом. Ты начни с ним тихо, благородно и вразумительно. Спервоначалу приласкайся к нему хорошенечко, а когда он растает, то и начни вразумительно: «Так, мол, и так, Трифон Иваныч, все люди смертны, а я вас ужаси как люблю... Теперь я при вас сыта, обута, одета и в неге живу, а умрете вы, так с чем я останусь? Ведь я, мол, тогда должна простирать руку помощи и просить у проходящих, потому ваши племянники не станут меня поить, кормить и в неге содержать. Так ежели вы, мол, меня скоропалительно любите, то купите дом на мое имя, чтобы я получила с него доход на пропитание и вас на молитвах своих поминала, как отца и благодетеля. Не покиньте меня, сироту».

– Что ты, что ты! Не купит он дома... – перебила Катерину Акулина.

– Невры пусти... С неврами он все купит.

– Милушка, и с неврами не купит.

– Купит. Не приставай только обо всем сразу. Ты полегоньку... Сначала деньги, потом часы с цепочкой... Потом проси, чтоб портнихе по счету заплатил, а после всего этого уж и к дому приступай.

– Ой, душечка, не купит!

– Не купит с одного раза, так поработать надо. Не раз, не два невра припустить, а раз пять, шесть. Чего его тебе жалеть-то? Дошкуривай каждый день целую неделю, да и шабаш. Чуть он к тебе с улыбкой подойдет – ты сейчас ему: «Ах, оставьте меня, пожалуйста». Он еще – ты взвизгни благим матом и упади в обморок.

– На пол? Да ведь я расшибиться могу.

– Зачем же на пол? Падай на диван, на кровать, в кресло.

Акулина улыбалась и говорила:

– Дом-то ведь хорошо бы... Жила бы я тогда да жила в своем доме. И под старость бы он мне остался, этот самый дом...

– Еще бы.

– Ах, твоими бы устами, Катеринушка, да мед пить!

– Будешь вести дело умеючи, так и не дом от старика заполучишь.

– А что же еще, душечка?

– Духовное завещание старик может тебе подписать. Дескать, завещаю, что все после моей смерти ей, Акулине... крестьянке такой-то, Акулине такой-то.

– Что ты, милушка! Да разве это можно?

Акулина даже ужаснулась.

– Сумей только сделать, чтобы старик без тебя дыхнуть не мог – и поверь, что на твое имя будет у него сделана духовная.

– Чтобы и лавки, и деньги – все мне?

– Да, тебе. Чего ты головой-то трясеешь? Сделает, ежели сродственников своих возненавидит. А ты потрафляй так, чтобы он сродственников своих возненавидел.

– Не сумею я этого, милушка, сделать.

– Ты не сумеешь, так я помогу. Я-то на что при тебе?.. Эх, ежели мне твою красоту да какого Трифона Ивановича, так уж у меня давно бы вдесятеро против твоих подарков от него было!

Акулина слушала и как бы ошалевала от всего того, что она слышала.

– Дом, дом... – твердила она.

– Да, дом, – отвечала Катерина. – Сначала дом, а потом духовную, что, дескать, все мои капиталы и лавки, все имущество...

– И неужто все это можно через невра?

– Ну, при этом невра неврами, а кроме того, и ум нужен, потому тут следует действовать осторожно.

– Ума-то вот у меня... Разве уж потом нагуляю.

– Водись с умными людьми, слушайся умных советов.

– Милушка, да я всегда готова... Что ты научишь, то я и сделаю. Ты вот говоришь, что надо прежде всего под сто рублей невры припустить – ну, я и припущу. Завтра же припущу, – сказала Акулина.

Катерина взглянула на часы и вскрикнула:

– Батюшки! Как я засиделась-то у тебя! Поди уж моя полковница теперь на все комнаты орет, что куда это я запропастилась. Прощай, девушка, будь здорова. Завтра утречком забегу к тебе.

Катерина расцеловалась с Акулиной и побежала домой.

XXIV. Нимфа и пастушок

По уходе полковничкой горничной Катерины Акулина, оставшись одна, решительно не знала, что ей делать. Она прошла по комнатам, посмотрела на себя сначала в одно зеркало, потом в другое, улыбнулась на свою красоту и полноту, похлопала себя по щеке и даже показала себе язык. Дела не было никакого. Она несколько раз потянулась, несколько раз аппетитно зевнула. «Пойти разве погулять по улице? – мелькнуло у ней в голове. – Но с кем? Одной-то тоже не очень приятно по тротуарам шататься, – решила она и отложила свое намерение. Попробовала она мятные пряники есть – не елось. И так уж она их после обеда час целый жевала, так что даже скулы заболели. – Чайку разве напиток? Чай никогда не вредит и всегда с приятством пьется», – задала она себе вопрос и, выйдя в кухню, велела кухарке Анисье ставить самовар.

– Пантелей дома? – спросила она.

– Я здесь, матко. Сейчас только от земляков вернулся, – послышался голос Пантелея из приказчицкой.

Она заглянула туда и увидела, что Пантелей сидел на койке и переобувался из валенок в сапоги.

– Ну, вот и ладно, что вернулся, – сказала она. – Стало быть, мы с тобой сейчас чайку напьемся. Все мне веселее, нежели чем одной.

– Да я уж с земляками два раза в трактире пил.

– Ничего, Пантелеюшко, чай не вредит, чай для всего тела пользителен. Приходи в столовую.

– А вот только в сапоги переоденусь.

– Ну ладно. Да что уж тебе, Пантелей, валенки-то бы бросить носить? – проговорила она. – Ты уж будешь на купеческой ноге, так надо калоши на улице носить. Трифон Иваныч уж совсем решил тебя в приказчики к себе взять.

– Ну?! – протянул Пантелей. – Это ты, что ли, спроворила?

– Конечно же, я. А то кто же? Напьешься вот чаю со мной, так иди к Трифону Иванычу в лавку. Он тебе всю купецкую одежду купит и калоши тоже, а потом ты все это будешь заживать.

Пантелей улыбнулся во всю ширину лица.

– Вот за это спасибо, тетенька Акулина Степановна, спасибо, – пробормотал он.

Через десять минут Акулина и Пантелей пили чай, Акулина смотрела на него и говорила: – Ты волосы-то брось деревянным маслом мазать. На то помада есть. Купи себе в табачной баночку за семь копеек, да и мажь.

– О?! Да нешто так надо? – спросил Пантелей.

– Конечно же, надо. Кто уж по-купецки жить будет и в калошах щеголять станет, тому не след деревянным маслом голову мазать.

– Ну, спасибо, что сказала. Еще чего не надобно ли, чтобы на купецкий манер?

Акулина сделала серьезное лицо и сказала:

– По спине меня не хлопай и не заигрывай со мной, коли ежели при Трифоне Иваныче.

– Ну?! Неужто приревновал, старый пес? – спросил Пантелей.

– Как ты смеешь его так называть!

– Да ведь он не слышит.

– Мало ли, что не слышит. А ты все-таки не моги. И по спине меня хлопать не моги, и под мышки хватать не моги, и щипаться не моги.

– Ну, это при нем. А без него-то все-таки можно?

– Дуралей ты эдакий. Да ведь ты мне племянник, так нешто можно с теткой!.. – проговорила Акулина и улыбнулась.

- Ну какой племянник! Седьмая вода на киселе.
Акулина погрозила пальцем и прибавила:
– Ты нишкни и говорить об этом Трифону Ивановичу.
– Ну вот... С какой же стати я буду рассказывать?
– Ну, то-то... Он уж и так в большом сумлении. Про паспорт твой спрашивал, спрашивал, с какой стороны ты мне племянник.
– Приревновал, старый шут, так и есть, приревновал.
– Ну, то-то. Помнишь, вчера-то как он на тебя накинулся, когда ты меня поперек схватил?
И что это у вас за извадка такая – хвататься!
– Да ведь вчерась хмельные были. Ну ладно, при нем буду держать ухо востро.
– Да и без него.
– Неужто уж и совсем племяннику с тетенькой шутки пошутить нельзя? – спросил Пантелей.
Акулина улыбнулась и отвечала:
– Только тогда можно, когда я сама скажу, что можно.
– Ну ладно, спасибо и на этом. А только ведь молодой-то все лучше старого.
Акулина ласково мазнула его рукой по щеке и сказала:
– Да замолчишь ли ты, неугомонный! Ну и чтобы величать меня по-дамски: Акулина Степановна и «вы», потому я теперича дама, – продолжала она.
– Будем чувствовать.
– И чтобы всякую почтительность соблюдать...
– Рады стараться.
Пантелей помолчал, ухмыльнулся и спросил:
– И как это только, Акулина Степановна, угораздило вас так Трифона Иваныча в руки забрать и в хозяйки забраться?
– Не твое дело, вот что.
– Талан, большой талант у вас, Акулина Степановна.
– Погоди. Не то еще будет.
– Ну а ежели муж к себе вас потребует?
Акулина вся изменилась в лице и спросила:
– Да разве он что проговаривал насчет этого?
– Да был разговор. Я на чугунок садился, так виделся с ним, – дал ответ Пантелей.
– Что же он говорил?
– «Забаловалась, – говорит, – там у меня Акулина. Надо, – говорит, – к себе вытребовать да поучить хорошенько».
– О господи! Неужто так и сказал?
– Так и сказал. Да еще хуже: «Я, – говорит, – у ней укусное-то поведение по-солдатски вышибу. Я, – говорит, – красоту-то у ней с лица в месяц спущу».
– Да неужто он, голубчик, слышал что-нибудь?
– Еще бы не слышать! Слухом земля полнится.
– Да от кого же он слышать-то мог? Ведь я, кажется...
– А земляки-то наши здесь у тебе бывали, чай да кофеи распивали. Ведь они не с выколотыми глазами были и не оглушенные. Видят, в каких ты нарядах щеголяешь, слышат, какие о тебе разговоры идут.
– И то правда, и то правда. Ведь я старосту-то Ивана Гаврилыча, уж ключницей бывши, и чаем поила, когда он на праздник в деревню ехал, и все свои наряды ему, дура, показывала. Ах я окаянная, окаянная! Он мужу-то все и рассказал.
– Он, он. Да и другие тоже.
– И другие, и другие. И перед другими нарядами хвасталась.

– Ну вот... Сама себя раба бьет за то, что худо жнет. А теперь казись.

– Так, так... А ведь у меня и паспорту скоро срок. На новый надо обменять. Вдруг как нового-то мне не вышлют?

– Надо откупаться. Больше делать нечего.

– Надо, надо, голубчик, надо, Пантелеюшко. Поди только, дорого потребует?

– Это уж само собой. За такое дело дешево и взять нельзя.

– Ах, грехи, грехи! Вот грехи-то ведь какие, – качала головой Акулина и вздыхала. – Да что ж ты, Пантелеюшко, раньше-то мне об этом ничего не сказал? Не сказал, что с мужем виделся, что муж тебе про меня такое эдакое говорил, – попрекнула она Пантелея.

– Да ведь ты не спрашивала.

– Не спрашивала, не спрашивала. До мужа ли мне теперь?.. Впрочем, чувствовало мое сердце насчет всего этого, чувствовало!

Акулина совсем затуманилась.

– Ну чего ты? Погоди, обойдется дело – малина будет, – утешал ее Пантелей. – Пошлешь ему денег побольше.

– Да уж я, голубчик, и так ему двадцать рублей перед праздником выслала.

– Двадцать рублей! Велики ли это деньги! Тут Трифону Иванычу придется и порядком распотрошиться, коли захочет тебя удержать, – произнес Пантелей, поднялся и сказал: – Ну, Акулина Степановна, я пойду к хозяину в лавку.

– Иди, иди, Пантелеюшка. Он тебя пошлет со старшим приказчиком, чтоб все тебе из одежды искупить. Ты примеришь на себя, выберешь, а старший приказчик деньги заплатит.

– Прощенья просим, тетенька Акулина Степановна.

Пантелей поклонился, тряхнув волосами, и вышел из столовой.

XXV. Первый дебют «невров»

Словно взвод солдат прошел по кухне, громяхая сапогами. Это были приказчики Трифона Ивановича, вернувшиеся из лавки. На второй день рождественских праздников они заперлись часа на два ранее обыкновенного. С ними пришел и сам Трифон Иванович. Явился и Пантелей с узлом купленной ему «купецкой одежды». Пойдя в комнату, Трифон Иванович сиял улыбкой. Акулина между тем сидела около стола пригорюнившись. Известие о том, что муж хочет ее вытребовать к себе, «дабы поучить», крепко затуманило ее. Трифон Иванович осмотрелся по сторонам и, видя, что он находится глаз на глаз с Акулиной, подошел к ней и поцеловал ее.

– Ну, все, что ты просила, исполнено. Пантелей обмундирован, – сказал он, подсаживаясь к ней. – Завтра может и в лавку с приказчиками идти.

Акулина ничего на это не ответила.

– Что ж ты сидишь и молчишь? – продолжал Трифон Иванович. – Словно будто и не рада, что я так о Пантелее забочусь.

– Что же мне радоваться-то так особенно?

– А зачем же ты так особенно просила, чтоб я обмундировал его и взял к себе в приказчики? Ведь я одежи-то на сто рублей ему закупил.

– Ну, спасибо.

– Полгода ему заживать эти деньги придется. Ты уж скажи ему, чтобы он старался, потрафлял, да и старшего приказчика слушался.

– Скажу.

– Ну, то-то. А не будет слушаться и не будет потрафлять, то и одежду у него отберу, и его самого прогоню опять в деревню.

– Вас на безобразии-то хватит, вас на это только и взять, – отвечала Акулина и отвернулась.

Трифон Иванович подозрительно посмотрел на Акулину и пошел переодеваться из сюртука и сапог в халат и туфли, свою обычную домашнюю одежду. Переодевшись, он вернулся опять в столовую и застал Акулину все в том же положении, как и оставил: она сидела пригорюнившись.

– Что с тобой, Акулина Степановна? Что ты затуманилась? – спросил Трифон Иванович ласково и хотел обнять Акулину, но она оттолкнула его прочь.

– Подите вы! И без вас тошно, – сказала она.

– Что такое? Что такое стряслось?

– Чувствую, что невры будут, – вот что.

Трифон Иванович удивленно открыл глаза.

– Каки таки невры! Что за глупости? – задал он вопрос.

– А какие невры, какие у всех настоящих дам бывают. Под сердцем вот что-то мутит, и голова как бы не на месте.

– Объелась, верно. Ты гуся-то с капустой не прикончила ли?

– Стану я всякую дрянь есть!.. Просто чувствую, что невры будут.

– Выпей мятных капелек. С них живо нутро осадит.

– Лакайте сами, коли хотите, а мне не надо.

Трифон Иванович, дабы чем-нибудь развлечь Акулину, крикнул к себе старшего приказчика. Старший приказчик явился.

– Этот вот молодец, которому ты, Алексей Иванов, одежду покупал, племянник Акулины Степановны, – начал Трифон Иванович. – По нашей торговле он мало смыслит, но по просьбе Акулины Степановны я взял его в приказчики на место Андреяна.

– Слушаю-с, – отвечал старший приказчик. – А только ведь у нас из наших мальчишек есть подросточек, так его бы лучше в приказчики.

– Ну уж, мало ли, что там! Акулина Степановна просила, и это я для нее. Нашего подросточка мы к Пасхе сделаем приказчиком. А теперь возьми за Пантелея и приучай его. Отдаю тебе его под начало. Учи его, наблюдай, втолковывай.

– Слушаю-с.

– Так уж, пожалуйста, постарайся. Трудно в эти годы приучать и втолковывать, но уж ты поналяжь. Я хотел ему другое место найти, чтобы на стороне, но Акулина Степановна боится, чтобы он на стороне не избаловался, а потому просила, чтобы на глазах у ней... Да и в самом деле: долго ли молодому парню на стороне избаловаться!

– Это точно-с, – согласился приказчик. – Коли ежели из деревни, да в слабые руки...

– Ну, с богом, – кивнул Трифон Иванович, давая знать, что аудиенция кончилась, и прибавил: – Завтра поутру захватите его с собой в лавку.

– Слушаю-с, – отвечал старший приказчик, поклонился и вышел.

Акулина продолжала сидеть пригорюнившись. Трифон Иванович потрепал ее по плечу и сказал:

– Видишь, как я о твоём Пантелее забочусь, а ты и не рада.

– Что ж мне радоваться-то? – опять процедила сквозь зубы Акулина.

– Ну, все-таки хоть поцеловала бы меня за благодарность, – прошептал Трифон Иванович и наклонился к ней, но она пихнула его в грудь.

– Отстаньте вы от меня! Мне и без вас тошно.

– Ах да... Ты давеча клюквенной-то пастилы купить себе просила. Ведь я тебе купил. Молодцы! Принесите-ка сюда клюквенную пастилу!

Вошел лавочный мальчишка, поставил на стол ящик с пастилой и удалился.

– Позобли-ка пастилки-то, позобли-ка, моя красота писаная, – проговорил Трифон Иванович. – Авось с нее и тошнота пройдет.

– Не стану я есть, – сухо отвечала Акулина.

– Это еще отчего?

– Отчего! Про пастилу-то, про съедобную дрянь, небось припомнили, а про то, что я главное у вас просила, забыли. Ну да ладно!..

– Что такое? Что такое? – засуетился Трифон Иванович.

– Вишь, у вас память-то какая куричья!

– Ей-ей, не помню. Ты лучше скажи, напомни мне. – Решительно не помню! – пожимал плечами Трифон Иванович.

– Браслетку с бриллиантами, – отчеканила Акулина.

– Ах, ты про браслетку? Да браслеску, мать моя, как-нибудь на днях... Где же было сегодня покупать? Сегодня и лавки-то с золотыми вещами были все заперты.

Акулина схватилась за грудь и застонала:

– Ох-ох-ох! Тошно мне!

– Что такое? Что такое? – испуганно спрашивал Трифон Иванович.

Вместо ответа, она, стая и охая, поднялась со стула и приблизилась к дивану.

– Акулина Степановна, голубка моя, да выпей ты хоть капелек-то! – подошел к ней Трифон Иванович.

Акулина взвизгнула и повалилась на диван, на котором начала метаться и продолжала стонать.

– Испортили бабу в мое отсутствие! Кто мог ее испортить! – вопил Трифон Иванович, подскочил к ней, хотел что-то ей сказать, но она толкнула его ногой в живот.

Поднялась суматоха. Прибежали приказчики, прибежала кухарка Анисья.

– Дай ты ей хоть воды-то попить! – кричал Анисье Трифон Иванович.

Притащили ковш с водой, поднесли его к губам Акулины, но она не пила и продолжала стонать. Трифон Иванович выгнал вон приказчиков, схватился за голову и, опустясь около Акулины на стул, спрашивал сам себя:

– Ну что тут делать?

XXVI. Дебют «невров» продолжается

Словно кто колот или резал Акулину, до того она стонала и охала, валяясь на диване. Время от времени она схватывалась за грудь и взвизгивала самым пронзительным образом. Трифон Иванович и кухарка Анисья были около нее. Анисья качала головой и в недоумении говорила:

– Испортили бабенку, совсем испортили, сглазили. Тут не иначе, как ты хочешь, сглазу...

– Кто был с ней без меня? – крикнул на Анисью Трифон Иванович.

– Да кому быть? Никто из чужих не был...

– Отвечай, кривая ведьма! Ну?!

– Полковницкая Катерина тутотка с ней кофеи распивала, потом Пантелей был и чай с ней пил, – дала ответ, дрожа всем телом, Анисья.

– Пантелей? Ну, так это его рук дело. Завтра же Пантелей со двора долой.

Акулина открыла глаза и пробормотала:

– Нет, это не Пантелей... Это невры...

– Какие невры? Что за невры? Позвать сюда Пантелея!

– Нет, нет, не надо.

– Анисья! Стащи с нее эти хомуты-то! Вишь, она сегодня с утра в новое платье затянулась, – приказывал Трифон Иванович.

Анисья приблизилась было к Акулине, но тотчас же отскочила.

– Стащи-ка сам. Вишь, как она ногами-то брыкается. Сапоги-то ведь у ней с каблуками...

В самую грудь потрафила, – пробормотала она.

Подошел к ней и Трифон Иванович, наклонился и спросил:

– Что с тобой, Акулинушка? Какое место у тебя болит?

Но Акулина ткнула его кулаком в лицо. Он схватился за нос и тоже отошел. Анисья качала головой и говорила:

– Хозяина-то своего по носу? Ай-ай-ай... Нешто это можно? Хозяин тебя поит и кормит, холит и нежит, обувает и одевает...

Но при этих словах Акулина начала как бы лаять по-собачьи.

– Оставь ее, Анисья, не попрекай... Видишь, что она не в себе... Акулина Степановна, матка, да ты бы дала себя Анисье расстегнуть, так все бы тебе полегче было, – обратился еще раз Трифон Иванович к Акулине, но уже держась от нее поодаль. – Шутка ли целый день в такой сбруе проходить!

– Нет, нет, нет... – стонала Акулина.

– Напейся хоть малинки сушеной. Вот сейчас тебе Анисья заварит. Авось тогда хоть паром все пройдет.

– Нет, нет, нет...

Трифон Иванович и Анисья отошли к сторонке и стали перешептываться.

– Как у ней это началось-то? – спрашивала Анисья хозяина.

– И ума не приложу. Пришел я – она насупившись; я ей рассказываю, что Пантелею одежду купил, – насупившись; я ей клюквенной пастилы – не внимает и не дотронулась даже до нее, а уж на что пастилу любит. Потом заговорила о браслетке, что я ей подарить обещал, схватилась за грудь и застонала.

– Испорчена. Вот помяни мое слово, испорчена. Злые люди испортили, – решила Анисья.

– Не послать ли, Анисьюшка, за доктором? – спрашивал Трифон Иванович, дрожа всем телом.

– За доктором! Да нешто доктора что понимают? Тут простую бабу-знахарку надо, которая от сглазу лечит.

– А где ее взять-то?

– Надо на Лиговке по извозничьим дворам поспросить, там знают. Вот я в матках у извозчиков жила, так там хозяйку лечили. Ходила бабка-знахарка и выпользовала.

– Сбегай, Анисьюшка, поищи.

Акулина услышала эти слова и опять застонала:

– Не надо, не надо. Мне браслетку надо. Только браслетка меня и выпользует.

– Завтра я тебе, милая, браслетку принесу, завтра, – подскочил к ней Трифон Иванович. – Ну где же теперь браслетку взять! Ведь уж все лавки заперты.

– Врете вы все. Надуете... Сегодня надули и завтра надуете... – бормотала Акулина. – Вам поверить, так трех дней не проживешь.

– Не надую, Акулинушка, успокойся только. Смотри, ведь ты весь дом переполошила. Ну что тут хорошего?

– Так вам и надо, ништо вам...

Видя, что Акулина уже начинает разговаривать, Трифон Иванович отослал в кухню Анисью. Он конфузился Анисью.

– Как что – я тебя опять позову, а теперь ступай, – сказал он ей и снова обратился к Акулине: – Ну успокойся, пташечка моя голосистая, мы завтра вместе с тобой браслетку пойдем покупать. Какая тебе понравится, такую ты себе и выберешь.

– Не верю я вам, ничего не верю. Вы теперь для меня самый невероятный человек, – отвечала Акулина и снова слабо застонала.

Трифон Иванович попробовал подсесть рядом с ней на диван, но удар ногой в спину заставил его соскочить.

– Ах ты, господи! – всплеснул он руками. – И можно же так с человеком поступать, что ничего ему не верить! И с каким человеком-то! С таким человеком, который не надышится на тебя.

– Однако сегодня же надули.

– Не надул я... Вовсе не надул. Уверю тебя, что сегодня, ради второго дня праздника, магазины с золотыми вещами только полдня торговали, а ведь я из дома-то ушел под вечер.

– Ну и завтра, по-вашему, магазины тоже будут полдня торговать, и вы тоже уйдете из дома под вечер.

– С утра я с тобой вместе уйду, и уж к обеду у тебя будет браслетка, только успокойся, не тревожь дом и не конфузь меня перед приказчиками.

– Надуете... – стояла на своем Акулина, все еще лежа враспяжку на диване.

– Ну, хочешь деньги сейчас на браслетку получить? – предложил Трифон Иванович.

Акулина поднялась, села на диване и сказала:

– Ну, давайте. Только ведь мне надо браслетку с бриллиантами.

– С бриллиантами, с бриллиантами. Купим такую, где будут и бриллиантики, – проговорил Трифон Иванович, отправился к себе в спальню за деньгами и вынес оттуда пятьдесят рублей.

Акулина пересчитала деньги и взглянула на Трифона Ивановича.

– Только-то? – спросила она.

– Сколько же тебе нужно? Тут достаточно.

– Ох-ох-ох!

Акулина снова застонала, снова схватилась за сердце и снова повалилась на диван. Трифон Иванович сбежал еще за деньгами, совал их в руки Акулине и говорил:

– На... на вот еще... на еще пятьдесят рублей... На сто рублей можно хорошую браслетку купить, успокойся только.

Акулина перестала стонать и снова села на диван. Трифон Иванович в волнении ходил по комнате. Пот с него лил градом.

Прошло минуты две, и Акулина улыбнулась Трифону Ивановичу. Потом она подошла к нему и потрепала его по щеке. Трифон Иванович млел.

– И чего тебе пригрезилось, дура, что я тебя насчет браслетки надую? – спросил он, притягивая к себе Акулину за талию.

– Ну уж... знаю я вас...

Минут через пять она сидела около стола, вся сияющая своей здоровой красотой, и прямо из ящика черпала чайной ложкой клюквенную пастилу и ела ее. Трифон Иванович смотрел на нее с умилением. Они молчали. Вдруг Акулина проговорила:

– И чувствую я, что при моей испорченной болезни эти самые невры часто со мной будут, если вы не станете мне во всем потрафлять. Вот ведь мне тоже очень нужно и золотые часы с цепочкой. А то какая же я дама, коли без часов с цепочкой?!

XXVII. Учит уму-разуму

Чмок, чмок, чмок – и Акулина и полковницкая горничная Катерина расцеловались.

– А ведь невры-то помогли, Катеринушка, совсем помогли, – первым делом начала Акулина, вводя свою наперсницу в столовую.

– Ну, вот видишь ли... Я тебе говорю, что супротив невров ни один мужчина не выстоит, – отвечала Катерина. – Не только старый не выстоит, а даже и молодой. Много ли ты со старика-то сорвала?

– Столько, милушка, что даже и не ожидала. Пустила я эти невры на браслетку с бриллиантами, а заграбастала браслетку, часы с цепочкой и сто рублей денег. Спасибо тебе за науку.

– Не за то что, милая. Я всегда рада. Ведь уж я худому не выучу.

– Ну, садись скорей, так гостя будешь, – усаживала Акулина Катерину. – Чем потчевать-то: чайком или кофейком?

– Насчет теплой сырости – благодарю покорно, сейчас только дома пила.

– Ну, пастилки, орешков, пряничков...

– Этого давай.

Появилось угощение. Приятельницы защелкали кедровые орехи и продолжали разговоры.

– Как же это тебя угораздило столько со старика-то в один день зацепить? – спрашивала Катерина.

– В два дня, в два дня, милушка, а не в один, – отвечала Акулина. – С вечера Трифон Иваныч мне сто рублей на браслетку пожертвовал, наутро мы отправились с ним вместе эту браслетку покупать, а я деньги-то дома оставила, – ну, он и заплатил за браслетку из своих да еще часы с цепочкой мне купил. Вот и часы, вот и браслетка...

Акулина протянула руку и выпялила грудь.

– Прелесть, прелесть, что такое... – расхваливала Катерина. – И как это тебя угораздило, милушка, что ты три подарка в один раз?

– Своим умом... – похвасталась Акулина. – Деньги-то уж он потом потребовал от меня обратно, да я не отдала.

– Зачем отдавать... Зачем...

– И вот сейчас, уходивши в лавку, просил: «Отдай, – говорит, – деньги-то, отдай»; а я ему: «Что с воза упало, то и пропало».

– Так и надо, душечка, так и надо. Что его жалеть-то! Умрет – все равно все прахом пойдет. Умница, умница. Ведь это ты одним зарядом трех бобров убила.

– Трех, трех, ангельчик, потому что невры-то эти самые я под него только один раз подпустила. И как он, девушка ты моя, испужался, так просто ужаси. За доктором даже хотел посылать, да уж Анисья отговорила. Завтра или послезавтра пойду я к Трифону Иванычу в лавку, а за твою науку отберу тебе материцы на платице. Носи за мое здоровье.

– Спасибо, Акулинушка, спасибо. Дай бог тебе с моей легкой руки как следует опериться. Тереби его, милушка, тереби. Оперяйся.

– Да что оперяйся! У меня, девушка, горе.

– Какое такое горе?

– А такое, что, может, скоро и оперяться-то мне будет конец.

– Что такое стряслось?

– А приехал земляк Пантелей и сказывает, что муж паспорта мне больше не вышлет и хочет к себе потребовать, чтоб поучить.

– Что за пустяки такие!

– Хочет, хочет, девушка. Сам и Пантелею об этом сказывал.

– Мало ли, что сказывал! На посуле-то они все как на стуле, а как дойдет до дела... Ты денег ему побольше пошли.

– Да уж и то к Рождеству двадцать рублей посылала.

– Пятьдесят пошли – вот он и сдастся. Ты так ему отпиши: «Так, мол, и так, супруг наш любезный, коли вы желаете мне паспорт предоставить, то я вам пятьдесят рублей в руки, а нет, то вышлите мне денег на дорогу и поите и кормите меня». Пусть хозяин напишет ему такое письмо – сейчас он и сдастся.

– А вдруг не сдастся, Катеринушка? – покачала головой Акулина и прибавила: – Ведь он ужаси какой нравный.

– А я тебе говорю, что на деньги сдастся. Кто у тебя муж?

– Бессрочный рядовой он. Служит на железной дороге, на станции... А только у нас и дом в деревне есть.

– Солдат, да чтобы не сдался? Нынче, милушка, и почище его, да сдаются, дай только присыпку. Конечно, уж присыпка, глядя по чину, дается: большой чин – побольше присыпка, маленький – поменьше. Теперь, милушка, это даже и у больших господ в моде, чтоб чужих жен для себя откупать. Самая обнаковенная вещь. Сторгуются полюбовно – ну и готово.

– Ох, кабы твоими устами да мед пить! – вздохнула Акулина. – А то, веришь ли, девушка, за последние два дни, как я узнала об этом, так у меня все сердце изныло. Шутка ли – вдруг из хорошей-то жизни да вдруг прямо мужу под кулак!

– Не горюй, душечка, уладится дело, – утешала ее Катерина. – Надо только, разумеется, прежде всего с ним поторговаться. На пятьдесят рублей, наверное, согласится. А за эти деньги не согласится – ну, можно ему прибавить что-нибудь из одежды в гостинец... Ну, чуйку там новую, что ли... Чуйку да фунт чаю.

– Ах, кабы это так вышло! А то у меня все сердце изныло.

– Выйдет, выйдет, милушка. У меня двоюродная сестра Татьяна на вечные времена одним мастером красильщиком у мужа за триста рублей куплена. Из немцев он, красильщик-то этот, а только хороший человек. А муж-то пьющий да гулящий. Начал он ее кормить – невмоготу... А красильщик-то подвернулся, потому они с ней на одной фабрике работали... то есть с Татьяной-то. «Хочешь, – говорит, – за жену триста рублей и чтобы ее уж не трогать придирами?» Тот поломался, да и говорит: «Ну, давай деньги».

– Так ведь за триста же рублей, милушка, а не за пятьдесят... – возразила Акулина.

– А у твоего-то лысого хахаля нешто не хватит трехсот рублей, коли уж на то пошло? – спрашивала Катерина и прибавила: – Какая ты, душечка, смешная, так просто удивительно! Ничего-то ты не знаешь!

– Где же мне знать-то?..

– Так слушай других. С деньгами нынче все, что хочешь, можно сделать. Можно даже сделать так, что муж совсем от тебя откажется, по закону откажется.

– Ну что ты!

– А я тебе говорю, что да... И уж тогда ты вольный казак. А как будешь вольный казак, припустишь невры настоящим манером, то можешь даже и так сделать, чтоб старика Трифона Иваныча на себе женить.

– Милушка, да неужто это можно? – спросила Акулина и даже открыла рот от удивления, но тут в столовую вбежала Анисья и крикнула:

– Катеринушка! Беги скорей, матка, домой. Кухарка ваша сейчас прибежала за тобой. Сама полковница в крик кричит и тебя к себе требует.

– О, чтоб ее! – проговорила Катерина, вскочив со стула, и побежала вон из комнаты.

XXVIII. Письмо от мужа

Пантелей не попусту сказал, что муж Акулины будет требовать ее к себе. Не прошло и недели с приезда Пантелея, как вдруг перед самым Новым годом получается от мужа Акулины такое письмо: «Любезной супруге нашей Акулине Степановне от мужа вашего Данилы Васильича нижайший поклон от неба и до земли. А мы, слава богу, живы и здоровы, чего и вам желаем, и живем по-прежнему на станции в смазчиках. И сим уведомляем, что деньги двадцать рублей я получил. И благодарим покорно за оное. И дошли до нас слухи, супруга любезная Акулина Степановна, что ты в Питере не по поступкам поступаешь, а посему лады ко мне приехать, потому что хлеба у меня и про тебя хватит, да и соскучимшись мы без бабы жить, а посему, по получении сего письма, собирайся и приезжай. А за сим письмом целую тебя в уста сахарные и остаюсь в любви к тебе муж ваш законный Данило Васильев, а по безграмотству его и личной просьбе письмо сие писал смазчик Прохор Терентьев и также шлет вам низкий поклон».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.